

**FILOZOFICKÁ FAKULTA UNIVERZITY PALACKÉHO
V OLOMOUCI**

KATEDRA SLAVISTIKY

**SYNKRETICKÉ JEVY V OBLASTI SLOVNÍCH DRUHŮ (V RUŠTINĚ VE
SROVNÁNÍ S ČEŠTINOU)
SUBSTANTIVIZACE ADJEKTIV**

**SYNCRETIC PHENOMENA WITHIN PARTS OF SPEECH (IN RUSSIAN
COMPARED WITH CZECH)
NOMINALIZATION OF ADJECTIVES**

**СИНКРЕТИЧНЫЕ ЯВЛЕНИЯ В СИСТЕМЕ ЧАСТЕЙ РЕЧИ (В РУССКОМ
ЯЗЫКЕ ПО СРАВНЕНИЮ С ЧЕШСКИМ)
СУБСТАНТИВАЦИЯ ПРИЛАГАТЕЛЬНЫХ**

VYPRACOVALA: Bc. Gabriela Lenertová

VEDOUCÍ PRÁCE: Mgr. Václav Slovák

2017

Prohlašuji, že jsem práci vypracovala samostatně a uvedla všechny použité prameny.

V Olomouci dne _____

Gabriela Lenertová

Děkuji vedoucímu práce, Mgr. Václavu Slovákovi, za konzultace, podnětné připomínky, cenné rady, poskytnutí potřebné odborné literatury a v neposlední řadě také za čas, který mi během psaní diplomové práce věnoval.

Zpracování diplomové práce bylo umožněno díky účelové podpoře na specifický vysokoškolský výzkum udělené roku 2016 Univerzitě Palackého v Olomouci Ministerstvem školství, mládeže a tělovýchovy ČR, grant IGA_FF_2016_031 Synkretizmus v gramatickém systému ruštiny a češtiny

СОДЕРЖАНИЕ

Введение.....	5
1. СИНКРЕТИЗМ.....	6
1.1. Определение термина «синкретизм»	6
1.2. Синкретизм в лингвистике.....	6
1.3. Синкретизм в морфологии	7
1.3.1. Взаимосвязь существительного с другими частями речи.....	9
1.3.2. Связь существительного и глагола.....	9
1.3.3. Связь существительного и причастия.....	11
1.3.4. Связь существительного и наречия.....	12
1.3.5. Связь существительного и числительного	13
2. СУБСТАНТИВАЦИЯ ИМЕН ПРИЛАГАТЕЛЬНЫХ.....	18
2.1. Дифференциальные признаки существительных, прилагательных и субстантиватов и их синтаксическая позиция.....	18
2.2. Возникновение субстантиватов.....	21
2.2.1. Универбизация атрибутивных сочетаний.....	21
2.2.2. Эллипс/эллипсис	22
2.2.3. Аналогия	23
2.3. Семантические модели субстантиватов.....	24
2.4. Мотивирующий контекст.....	27
2.5. Стилистическая характеристика субстантиватов	29
2.5.1. Функционирование субстантиватов в книжных стилях речи.....	31
2.5.1.1. Научный стиль.....	31
2.5.1.2. Газетно-публицистический стиль.....	32
2.5.1.3. Официально-деловой стиль	34
2.5.1.4. Художественный стиль.....	36
2.5.2. Субстантиваты в разговорном стиле речи.....	38
2.6. Шкала переходности.....	40
3. СИНКРЕТИЧНЫЕ ЯВЛЕНИЯ В ОППОЗИЦИИ ИМЯ ПРИЛАГАТЕЛЬНОЕ – ИМЯ СУЩЕСТВИТЕЛЬНОЕ	43
3.1. А – имя прилагательное	45
3.2. Аб – периферия прилагательного.....	47
3.3. Аб – субстантиваты	50
Заключение.....	54
Resumé	55
Библиографический список.....	62
Список источников языкового материала.....	68

ВВЕДЕНИЕ

Настоящая работа посвящена **синкретичным явлениям в области морфологии**, а именно **субстантивации имен прилагательных** как одному из современных феноменов и проявлений **синкретизма в лингвистике**. Субстантивации имен прилагательных посвящены многочисленные работы, достаточно подробно описывающие переход имен прилагательных в состав имен существительных как семантическое и грамматическое явление (Перльмуттер 1948; Постникова 1960; Марков 1961; Ройзензон 1962а,б; Воронцова 1967; Лопатин 1967; Лукин 1969а; Голубева 1970; Климовская 1973; Яцкевич 1974, 1977; Ильенко 1977; Ковалевская 1977; Карашук 1984; Игнатьева 1992; Редькина 2003; Богданов / Смирнов 2004; Высоцкая 2005; Фысина 2007 и другие), тем не менее, трудно искать работы, посвященные субстантивации в русском языке в сопоставлении с чешским, и поэтому целью нашего исследования является объяснить суть и проявления синкретизма в морфологии и в системе частей речи, следовательно, дать основную характеристику субстантивации в целом, и на основе вышеизложенного мы попытаемся описать взаимосвязь имен существительных с некоторыми другими частями речи – особое внимание будет нами уделено субстантивированным прилагательным в качестве синкретичных явлений – и сопоставить проявления данного явления в русском и чешском языках. Материалом настоящего исследования будут служить прозаические (реже поэтические) произведения классической и современной литературы на русском и чешском языках, а также материалы словарей, главным образом, «Грамматический словарь русского языка» А. А. Зализняка, который для указанной цели является весьма полезным.

1. СИНКРЕТИЗМ

1.1. ОПРЕДЕЛЕНИЕ ТЕРМИНА «СИНКРЕТИЗМ»

Термин «**синкретизм**» (лат. *syncretismus*, от греч. *συνκρητισμός* – соединение, объединение) характеризуется многозначностью и количеством толкований, отличающихся друг от друга в зависимости от сферы употребления и области научного знания. Данный термин первоначально использовался в связи с определением древнейшего искусства как «сочетание ритмованных, оркестрических (танцевальных) движений с песней-музыкой и элементами слова» (Береснева 2012: 20), особенно широкое распространение синкретизм получил также в теологии в позднюю эпоху античности в связи со смешением разнообразных религиозных методов (Высоцкая 2005: 9). В XVI веке синкретистами называли философов, которые пытались занимать промежуточное положение между учениями Платона и Аристотеля (Философский энциклопедический словарь 2009) и, следовательно, понятие «синкретизм» начало использоваться во многих сферах науки в связи с недифференцированными явлениями без однозначного ограничения и со слиянием разнородных элементов (Толковый словарь Ушакова 1935–1940). Таким образом, общепринятыми стали толкования синкретизма как слитность и нерасчлененность. По словам Л. Воборила, «такое понимание синкретизма имеет свои онтологические корни, ибо мир по своей сути синкретичен, являясь неразрывным единством, универсальной целостностью, единством многообразного, что находит свое отражение в сознании, мышлении и, следовательно, в языке как средстве объективации духовного» (Воборил 2015: 15), так как уже «архаический человек синкретически воспринимает данные разных органов чувств, себя и природу, «я» и «другого», слово и обозначаемый им предмет, ритуальное и бытовое действия, искусство и жизнь» (Бройтман 2001: 19).

1.2. СИНКРЕТИЗМ В ЛИНГВИСТИКЕ

Истоки **лингвистического синкретизма**, который является заимствованным, следует искать именно в онтологическом единстве. В окружающем нас мире многие объекты и явления совмещают в себе разнохарактерные свойства (Резунова 2004: 10), и такая «совокупная и расчлененная целостность» объясняет существование синкретизма в языке (Воборил 2015: 15). Считается, что в лингвистику термин

«синкретизм» введен Л. Ельмслевым в первой половине XX века («Пролегомены к теории языка», 1960 г.) и в 1966 г. синкретизм был включен в корпус «Словаря лингвистических терминов», где настоящему термину посвящена отдельная статья: «Синкретизм – функциональное объединение разных форм выражения, нейтрализация противопоставлений (оппозиций); совпадение означающих при различных означаемых. Сокращение в процессе развития языка числа категориальных форм, реализующих данную грамматическую категорию, сопровождаемое изменением (расширением) функций сохраняющихся категориальных форм и приводящее к грамматической омонимии» (Ахманова 1966: 406). В сфере лингвистического синкретизма очень важно представление о совмещении семантических и грамматических свойств разных явлений, чему в конце 60-х гг. XX в. (1967 и след.) посвятила свои работы В. В. Бабайцева, положив таким образом начало исследованиям явлений переходности и синкретизма в грамматическом строе современного русского языка. В. В. Бабайцева ввела также термин «синкретичные явления» для наименования переходных явлений между типичными грамматическими категориями (Высоцкая 2005: 16), понимая синкретизм как «1) Совпадение в процессе развития языка функционально различных грамматических категорий в одной форме; 2) Совмещение (синтез) дифференциальных структурных и семантических признаков единиц языка, противопоставленных друг к другу в системе языка и связанных явлениями переходности. Это разного рода гибридные (контаминационные, промежуточные, диффузные) образования» (Лингвистический энциклопедический словарь 1990: 446).

1.3. СИНКРЕТИЗМ В МОРФОЛОГИИ

Синкретизм свойственен всему (конечно, не только русскому) языку, включая падежи, некоторые разряды слов, значения, предложения, члены предложения и многое другое, в том числе части речи, что подтверждает, например, мнение К. Штайн, согласно которому «язык рассматривается как сложная самоорганизующаяся система, в которой процессы обмена функциями и значениями происходят в каждой точке системы» (Штайн 2001: 19). В грамматическом строе современного русского языка не исключительным является **переход (или трансформация) слов из одной части речи в другую**, что вызывает невозможность

классифицировать некоторые явления в привычные категории системы частей речи, вследствие чего ученые начали уделять внимание переходным явлениям морфологического уровня (Сидоренко 1990: 102). По словам Г. Г. Инфантовой, «интерес ко всему нешаблонному, промежуточному, совмещающему разнотипные признаки, как правило, свидетельствует об определенном уровне развития науки, о том, что типичное, однотипное, изучено достаточно хорошо, и что для менее типичного, таким образом, есть уже соответствующий фон» (Инфантова 1992: 113). Основываясь на сути лингвистического синкретизма в целом, для явления переходности частей речи можно предложить название «морфология взаимосвязей (взаимозависимостей, взаимодействий)», которое достаточно четко выражает данную идею. И. В. Высоцкая в рамках настоящей теории выделяет следующие основные положения: «1) части речи, как и другие языковые сущности, имеют полевую природу; 2) части речи не имеют четко определенных границ, они не изолированы и находятся в постоянном взаимодействии друг с другом; 3) в результате взаимодействия разных частей речи возникают синкретичные образования, совмещающие в различных пропорциях свойства противопоставленных грамматических классов слов» (Высоцкая 2005: 79). Результатом взаимодействия (переходности, трансформации) частей речи являются синкретичные явления, т. е. слова, которые совмещают в своей грамматической структуре в той или иной степени признаков двух или больше частей речи. Н. С. Валгина определяет настоящее явление следующим образом: «Если слово, принадлежащее к определенной части речи, утрачивает (или изменяет) свое основное лексическое значение и морфологические признаки, присущие данному ряду слов, оно приобретает черты другой части речи, и в соответствии с этим меняются его синтаксические функции» (Современный русский язык 2003).

В качестве основных причин появления синкретизма в сфере частей речи ученые называют экстралингвистические причины, а именно попытки экономить языковые средства, то есть «потребность человека в выражении многообразных оттенков мыслей имеющимися средствами» (Баудер 1980: 80).

1.3.1. ВЗАИМОСВЯЗЬ СУЩЕСТВИТЕЛЬНОГО С ДРУГИМИ ЧАСТЯМИ РЕЧИ

В связи с теорией морфологического синкретизма некоторые лингвисты выделяют две группы частей речи – так называемые основные и неосновные. Согласно их мнению, в основании всей системы частей речи лежит несколько базовых, а именно существительные, глаголы, прилагательные и наречия, обладающие полным набором дифференциальных признаков. Так называемые неосновные части речи, которые являются замкнутыми, непополняющимися разрядами слов, включают местоимения и числительные, которые «дублируют» грамматические свойства основных частей речи (базовых единиц) и составляют таким образом периферию. Остальные части речи, такие как предлоги, союзы и частицы, отличаются незнаменательностью, междометия (и модальные слова) выполняют особую функцию.

В современной системе частей речи вполне естественно считать существительные «главным» компонентом настоящей системы, поэтому рассмотрим взаимосвязи имен существительных с другими частями речи – опишем их взаимодействие с глаголами, причастиями, наречиями, числительными и, главным образом, с прилагательными, что будем подробно рассматривать в следующей главе, так как субстантивации имен прилагательных и посвящена настоящая работа.

1.3.2. СВЯЗЬ СУЩЕСТВИТЕЛЬНОГО И ГЛАГОЛА

Имена существительные и глаголы образуют грамматический центр высказывания (основную структурную пару каждого предложения) и их противопоставление наиболее отчетливо. Тем не менее, и у таких противопоставленных слов можно найти звенья, которые существительные с глаголами связывают. Взаимосвязь указанных частей речи проявляется чаще всего на уровне морфемного словообразования, так как не исключительно образуются существительные, мотивированные глаголами, и, наоборот, глаголы, мотивированные существительными.

Слова, образованные на основании субстантивных основ, такие как, например, *ночь – ночевать, арест – арестовать, пророчество – пророчествовать*, а также заимствованные слова типа *банкет – банкетировать, митинг – митинговать*; в лексике чешского языка, например, *stůl – stolovat, zahrada – zahradničit*, в лингвистической традиции обоих языков принято считать глаголами.

Результатом обратного процесса словообразования, которой обозначается термином «номинализация», являются так называемые **«отглагольные существительные»**, которые своего рода гибридные, так как они совмещают черты существительного и глагола, например: *рисовать – рисование, участвовать – участие, арестовать – арест*; в чешском языке встречаются, например, слова типа *zpívat – zpívání, kreslit – kreslení*, и тому подобные. Теории многих лингвистов подтверждают, что четкая классификация подобных классов слов однозначная не всегда, поскольку «характерной особенностью семантической структуры отглагольных существительных со значением действия является постоянно колеблющееся состояние взаимодействующих компонентов существительного и глагола (предметности и процессуальности), которые могут более или менее отчетливо отражать усиление / ослабление признаков в различных синтаксических условиях и тем самым демонстрировать безграничное множество граней своей двойственной природы» (Высоцкая 2005: 103). Так, например, согласно мнению И. А. Мельчука, «различия отглагольных существительных и глаголов во вспомогательной информации, которая относится не к формальной, а к идеальной, то есть к смысловой (в самом широком значении этого слова) стороне языковых знаков» (Мельчук 1995: 464–465), другими словами, различия между указанными частями речи можно узнать, учитывая их общее грамматическое значение, на основании которого можно отглагольные слова отнести к определенной части речи – именам существительным или глаголам. Однако, основываясь на результатах нашего исследования и обработке научных трудов и языковых материалов, можно добавить, что отглагольные существительные в русской лингвистической традиции в общем принято считать существительными, а в чешской – глаголами.

Мы также неоднократно столкнулись с необыкновенным для чешской лингвистики мнением, что гибридный характер имеют не только отглагольные существительные, но и **инфинитив**. По мнению некоторых русских лингвистов, и в

инфинитиве совмещены глагольные свойства наряду с субстантивными. Ученый Л. Теньер даже категориально подчеркивает, что инфинитив не является глаголом, так как, по его мнению, «инфинитив занимает промежуточное положение между категорией глагола и категорией существительного, это смешанная категория, средний член» (Теньер 1988: 433). В чешской лингвистической традиции инфинитив несомненно относится к разряду глаголов, поэтому нас удивило его высказывание, согласно которому «обычай, принятый в современных западных языках, называющих глагол с помощью инфинитива, следует признать крайне неудачным, потому что он парадоксален и вреден» (Теньер 1988: 434). Указанное положение частично совпадает со мнением В. В. Бабайцевой, согласно которому отглагольное существительное и инфинитив являются периферийными образованиями, сочетающимися в своей структуре взаимодействующие компоненты процессуальности и предметности (Бабайцева 2000).

1.3.3. СВЯЗЬ СУЩЕСТВИТЕЛЬНОГО И ПРИЧАСТИЯ

Следующими глагольными формами, взаимодействующими с существительными, являются причастия, рассматриваемые некоторыми учеными как самостоятельная часть речи, поскольку сталкиваемся с мнением, что причастия обозначают определенную субстанцию с признаком (иначе говоря, имя действующего лица), а не только действие или состояние предмета, в отличие от типичных глаголов. Так, причастия совмещают свойства глаголов, имен существительных, прилагательных, и могут восприниматься также как гибридная часть речи, так как путем взаимодействия причастий и существительных возникают субстантивированные причастия.

Субстантивация причастий часто связана с субстантивированными прилагательными. Некоторые лингвисты причастия даже называют процессуально-качественными прилагательными, поскольку причастия обладают адъективными свойствами – они склоняются как прилагательные, могут иметь краткую форму, выполняют синтаксическую функцию согласованного определения или именной части сказуемого; субстантивированные причастия в синтаксисе выступают в качестве дополнения и подлежащего, так же, как и субстантивированные прилагательные:

Этими образами пишущий хочет достигнуть высшей образности – достигается только непонятность. (В. Маяковский); Заведующий, переодеваясь в зеленые штаны и рубашку, мимоходом нажал кнопку чайника. (И. Степановская); Царь ответил, что таких людей полно, но ни один из желающих, по мнению царя, не понимает, что начальник – это слуга своих подчиненных. (Ю. И. Мухин); Не ссорьтесь, влюбленные. Жизнь коротка. (А. Д. Дементьев); И их темная одежда молчаливо говорила о случившемся. (Л. Филатов)

То же самое касается функционирования субстантивированных причастий в чешском языке, однако, здесь они встречаются менее часто:

Přisedící musí skládat přísahu jenom při svém prvním účinkování u soudu, jenomže k tomu musí dojít v soudní síni před zahájením projednávání případu. (J. Nesbø); Odsouzeného jsem znal dobře, již jsme se v minulosti jednou setkali. (P. Kohout); Všimla jsem si, jak se kolemjoucí pochechtávají a ukazují si na mě... (L. Diamond); Na jaře jsme s mou nastávající podleli vášnivé lásce, a tak se stalo, že v čase svatby byla ve čtvrtém měsíci těhotenství. (R. Fulghum)

В ходе обработки избранного языкового материала мы дошли к выводу, что примеры субстантивированных причастий являются (наряду с субстантивированными прилагательными) одними из самых многочисленных. Однако, в текстах на русском языке они встречаются более часто чем на чешском, поскольку в чешской языковой системе принято сжатые конструкции подобного типа выразить с помощью придаточного предложения.

1.3.4. СВЯЗЬ СУЩЕСТВИТЕЛЬНОГО И НАРЕЧИЯ

Среди наречий преобладают **производные слова**, количество немотивированных наречий (*так, как, теперь, вдруг* и др.) сильно ограничено. Мотивирующей базой производных наречий обычно служат прилагательные, числительные, глаголы, и чаще всего существительные – тогда происходит так называемая **адвербиализация существительных**. В процессе адвербиализации могут возникать промежуточные наречно-субстантивные образования, к числу которых относятся, например, «полунаречные формы предложно-местного падежа единственного числа мужского склонения на -у с предлогами *в* и *на* (*на носу, на*

корню, в ладу)» (Виноградов 1972: 305) и многие другие, выполняющие синтаксическую функцию, например, обстоятельства образа действия, обстоятельства времени – обозначения времени суток, времен года и т. п.:

А Фукс опять кричит: – Земля на носу! (А. С. Некрасов); *Да вот теперь у тебя под властью мужики: ты с ними в ладу и, конечно, их не обидишь. потому что они твои, тебе же будет хуже...* (Н. В. Гоголь); *Шубин оглянулся, подпрыгнул несколько раз, промолвив шепотом...* (И. С. Тургенев); *А я на работе сутками пропадаю, сутками!* (М. Серова); *Там бывают зимы, зимой бывает холодно.* (Е. А. Прошкин); *Я постоянно создаю богатство в своей жизни: днем и ночью!* (Н. Правдина)

Подобные случаи были нами обнаружены также в текстах на чешском языке:

Zahrozil mi prstem, ale bylo to jen tak naoko. (R. Hartman); *„Nebudu křičet,“ řekl šeptem, „jsem unavený, půjdu spát.“* (E. Petiška); *Nejprve to bylo jen vrzání a skřípání, ale brzy už to uměli opravdu všichni a po večerech chodívali také zpívat pod okna svých milých. Kája stále večer co večer zpíval Anince.* (Z. Pospíšilová); *Otázala se lékaře hezká Jana, zda hejbat je lepší zvečera či zrána. Večer je to zábavnější, zrána zdraví prospěšnější!* (J. Kohout); *Pravil jsem ti, že tě miluji dnem i nocí, jsou to pravá muka.* (V. Hugo)

Существительные и наречия столь близкие благодаря способности обеих рассматриваемых частей речи функционировать в качестве обстоятельства, и такая общая синтаксическая функция размывает границу между ними, что способствует переходу некоторых существительных в разряд наречий. Очевидно, что настоящий процесс сопровождается изменениями в семантической структуре данных слов: формируется новое значение и изменяется отношение с другими частями речи.

1.3.5. СВЯЗЬ СУЩЕСТВИТЕЛЬНОГО И ЧИСЛИТЕЛЬНОГО

Как уже было нами сказано выше, числительные по мнению многих ученых относятся к так называемым неосновным частям речи, которые только «дублируют» грамматические свойства основных частей речи (базовых единиц) – кажется, что они не способны функционировать самостоятельно, а только в зависимости от другой части речи, чаще всего существительного в качестве названий определенных предметов счета (за исключением математических вычислений). Тем не менее,

переходные звенья существуют также между существительными и числительными, что обусловлено их тесной связью – считается, что числительные сформировались именно на основании имен существительных.

В современном русском и чешском языках можно выделить синкретичные лексемы, совмещающие свойства обеих рассматриваемых нами частей речи, в структуре которых убывает количественная и увеличивается предметная семантика. Таким образом, сформировались омонимичные лексемы – **имена существительные с квантитативным значением**, которые сочетают субстантивную форму и количественную семантику, более того, такие лексемы «обладают всеми морфологическими категориями существительных (значениями рода, числа и падежа)» (Краткая русская грамматика 1989: 246), например:

Мы в тысячу раз умнее муравьев, в тысячу раз сильнее, в тысячу раз больше. (Б. Вербер); *Я позвонил своему знакомому из Казначейства и потратил десять часов на то, чтобы просмотреть всю имеющуюся у них информацию по Беттерсу, в результате ничего, ноль.* (Г. Гервиц)

В текстах на чешском языке подобные случаи встречаются в следующих примерах: *Mezi informátoři na ulicích ticho po pěšině, nikdo si nepustil někde v baru pusu na špacír, prostě nula nula nic.* (R. Khoury); *Ty jo, na záchodě jsme narazili na bandu nějakých Holanďanek, který tam v umývárně obdivovaly zdi, byl jich asi milion a nebylo tam k hnutí...* (V. Kabátová) и т.д.

На приведенных примерах кроме совпадения свойств существительных и числительных видимо, что форма множественного числа слов типа *миллиард, миллион, тысяча, ноль* утрачивает точное числовое значение и приобретает новое, переносное. Синкретичный характер отчетливый, например, в словосочетании, приведенном в связи с введением купюр в оборот: *новая тысяча*.

Как было нами сказано выше, в повседневной речи имена числительные чаще всего употребляются в сочетании с именами существительными для обозначения числа (количества) предметов. Такая «тесная связь компонентов количественно-именных словосочетаний с комплетивными отношениями позволяет их рассматривать как целые, синтаксически неделимые, выступающие как один член предложения» (Бабайцева 1988: 58). Таким образом, сочетание числительного с

существительным выполняет общую синтаксическую функцию, вследствие чего субстантивация числительных практически неизбежна:

И вот прошло сто лет, потом двести, триста и вдруг целая тысяча. (М. Е. Салтыков-Щедрин); *И вот, когда я Долгова познакомил, я дал тысячу или две.* (П. Е. Щеголев)

Во втором из вышеприведенных примеров указано субстантивированное числительное, которое выступает в значении всего словосочетания и выражает значение как количества, так (невыраженного) предмета. Более того, зависимые существительные часто опускаются, когда речь идет о деньгах:

Покойный Чаплицкий, тот самый, который умер в нищете, промотав миллионы, однажды в молодости своей проиграл – помнится Збричу – около трёхсот тысяч. (А. С. Пушкин);

Za svůj kumbálek plný švábů platil čtyři sta padesát měsíčně. (K. Slaughter); *Je velký rozdíl mezi společnostmi, která vydělá miliardu, ale musí devět set padesát miliónů investovat zpět, aby příští rok vydělala znovu miliardu, a společnostmi, která vydělá taky miliardu, ale stačí jí investovat zpět padesát miliónů.* (R. Čížek)

Субстантивированные числительные очень часто употребляются также в связи с временем суток и когда речь идет о возрасте. Существительное в таких случаях легко восстанавливается из контекста:

Я открыл глаза и первым делом убедился, что все равно еще очень рано, — часы висели напротив меня на стене и показывали без четверти пять. (А. Л. Лельчук); *Там он выполз на берег, огляделся и увидел, что Аля оставила ему послание: три зеленых бутылочных стеклышка были аккуратно сложены треугольником. На их языке это означало: «завтра приду в три, надо помочь маме».* (С. Ю. Кузнецов); *Три в столовой пробило.* (А. А. Ахматова); *Он говорит, что ему сорок пять, и он в самом деле хорошо сохранился, но я то знаю, что ему больше пятидесяти.* (А. Моруа); *В свои двадцать пять Артур в совершенстве овладел искусством галантного обхождения с дамами.* (А. Казаков);

Já chodím spát brzo, už v deset usínám, ale ve dvě ráno už zase zírám do tmy a vím, že mě čeká jenom temnota, vzpomínky a utkvělé myšlenky. (M. Serranová); *V úterý dne*

toho a toho v deset třicet pět a několik vteřin porucha na všech stanicích od Revalu a tak dále. (K. Čapek); *Když Agnes deportovali do koncentračního tábora, bylo jí osmnáct. Teď jí bylo přes devadesát.* (S. Batthyany); *V šedesáti přece půjdeš do důchodu, ne? A do šedesátky ti moc nezbyvá.* (H. Boydová)

Очень легко подвергаются субстантивации собирательные числительные, поэтому их можно рассматривать как гибридные образования, которые сочетают свойства обеих частей речи:

Катя обернулась на звуку увидела, как в бар входят двое. (В. Колычев); *Так что, семеро одного не ждут, а нас семеро и собралось, – сказал один их старцев...* (О. Северюхин);

Šviot byl nepříliš trvanlivý, kalhotky se rychle oblyškaly, proto praktické ženy šily chlarcům raději rovnou dvoje, jedny mohly být krátké, jedny klasické. (M. Burianová); *„Vzal si dvoje ponožky?“ „Patery.“ Kateřina brečela pořád víc. „Má patery ponožky a lásku až za hrob.“ (I. Obermannová)*

Интересным образованием являются порядковые числительные, так как в них сочетаются признаки не только имени числительного, но и имени прилагательного, поэтому в некоторых научных работах даже можно встретиться с термином **«порядковые прилагательные»**:

Если она знает, – тут же заметил Ковалев, – то она либо сообщница, либо свидетельница. Хорошо бы, если первое, тогда у нас и правда есть шанс. Что-нибудь придумаем! – бодро воскликнул он. – А если второе? – спросила Катенька. – А если второе, то ей, возможно, угрожает опасность, – нахмурился Ковалев. (А. Арсаньев);

Rodiče pro něj ztělesňovali příklad dobra a zla, přičemž otec byl to první, matka to druhé. (A. Parks); *Nechtěl toho muže zabít, ne, chtěl ho jen unavit, aby ho pak mohl omráčit stejně jako toho prvního.* (M. Rice)

В «Русской грамматике» слова, имеющие значение «одна часть от целого: пятая, десятая, сотая», даже можно найти среди существительных адъективного склонения (Русская грамматика 1980: 239–240), например:

На самом же деле только одна десятая нашей жизни протекает в плоскости сознания, а девять десятых человеческой жизни – бессознательны.
(К. С. Станиславский)

То же касается также наименований дат:

Да ужь не спорьте, Маланья Аркадьевна! Я знаю наверно, что двадцать-седьмое. (М. В. Авдеев)

Оперное существительное у числительных обычно опускается в высказываниях о времени, так как в данном случае оно на самом деле избыточное:

– *Час?* – Седьмой. (М. Цветаева); – *Который час?* – Четверть восьмого.
(А. П. Чехов),

„*Kolik je hodin?*“ *zeptala jsem se. „Půl čtvrté pryč.“* (В. Belitz)

Значит, если имена числительные употребляются без зависимого существительного, то они способны «заменять собою количественно-именное словосочетание с комплетивными отношениями» (Высоцкая 2005: 197) и обозначать количество предметов независимо от их наименования.

Вышеуказанные трансформации являются примерами наиболее частых проявлений синкретизма. Кроме того, в морфологии обоих исследуемых нами языков встречается также множество других, например, переходные явления между существительными и предлогами (например, слово *тина*), между прилагательными и глагольными формами – причастиями (*обвиняемый, заключенный...*) и многие другие. Значит, синкретичные явления можно наблюдать практически на всех уровнях языковой системы.

2. СУБСТАНТИВАЦИЯ ИМЕН ПРИЛАГАТЕЛЬНЫХ

2.1. ДИФФЕРЕНЦИАЛЬНЫЕ ПРИЗНАКИ СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ, ПРИЛАГАТЕЛЬНЫХ И СУБСТАНТИВАТОВ И ИХ СИНТАКСИЧЕСКАЯ ПОЗИЦИЯ

Одним из наиболее ярких проявлений морфологического синкретизма частей речи является **субстантивация имен прилагательных**, которую рассмотрим более детально. В современной лингвистике общепринято классифицировать части речи на основе трех критериев, а именно:

- 1) категориального значения,
- 2) общности морфологических категорий и
- 3) синтаксических функций.

Так, для **имен существительных** характерно, что они:

- 1) обозначают предмет (субстанцию) в широком смысле слова,
- 2) данное значение они выражают в словоизменительных категориях числа и падежа и в несловоизменительной категории рода и
- 3) основной синтаксической функцией имени существительного считается функция подлежащего и дополнения,

в отличие от **имен прилагательных**, которые:

- 1) выражают статичный признак предмета,
- 2) имеют те же грамматические категории как существительные – число, падеж и род (в отличие от существительных, категория рода прилагательных словоизменительная), однако, зависящие от грамматических категорий имен существительных, признак которых прилагательные выражают,
- 3) в синтаксисе выполняют первичную функцию согласованного определения (Русская грамматика 1980).

Субстантивированные прилагательные трудно классифицировать, они обладают некоторыми свойствами обеих частей речи – субстантиваты являются промежуточными, синкретичными, так как они:

1) обозначают предмет с определенным признаком – в одном выражении совмещаются значения слов двух разных частей речи,

2) приобретают морфологические признаки существительного – само собой разумеющегося означаемого предмета, опущенного члена атрибутивного сочетания, однако, у субстантиватов имеет место сокращение состава их парадигмы: некоторые из них, например, связаны только с одним родом (например, слово *рабочий* в качестве имени прилагательного можно использовать в мужском, женском и среднем роде, в то время как *рабочий* в качестве субстантивата обычно ассоциируется только с мужским родом, однако, некоторые субстантиваты сохраняют ту же характеристику рода, как у прилагательных: *пришел один мой знакомый* и *пришла одна моя знакомая*), некоторые субстантивированные прилагательные имеют только форму множественного числа (*наличные*) (Русская грамматика 1990: 45). Субстантивированные лексемы, одновременно, освобождены от грамматических категорий, характерных для прилагательных, тем не менее, по своей форме они прилагательными остаются,

3) принимают синтаксическую позицию предмета (всего атрибутивного сочетания) – начинают выполнять функции подлежащего и дополнения, ср.: *И вспомнилось ему, как он тосковал по родине, как слепая нищая каждый день у него под окном пела о любви и играла на гитаре, и он, слушая ее, почему-то всякий раз думал о прошлом.* (А. П. Чехов)

На основании указанных фактов можно продемонстрировать переход типичного прилагательного в разряд существительных с помощью следующих примеров:

– *На вокзале Николаевской железной дороги встретились два приятеля: один толстый, другой тонкий. Толстый только что пообедал на вокзале, и губы его, подернутые маслом, лоснились, как спелые вишни. ... Тонкий же только что вышел из вагона и был навьючен чемоданами, узлами и картонками.* (А. П. Чехов)

Tehdy k němu přivedli posedlého, který byl slepý a němý; a uzdravil ho, takže ten němý mluvil i viděl. (E. Vaničková)

Особенно в примере на чешском языке видимо, что одно и то же слово способно выполнять разные функции даже в рамках одного предложения – первоначальное прилагательное, выполняющее функцию именной части сказуемого, еще в том же предложении употреблено в типичной для имени существительного функции подлежащего и становится субстантиватом без какого-нибудь изменения своей формы.

К вышеуказанным морфологическим признакам следует добавить, что в чешском языке **изменяются грамматические категории субстантиватов**, в настоящем исследовании мы сталкиваемся особенно с изменением категории числа – в некоторых случаях, субстантиваты, возникшие из атрибутивного сочетания первоначально во множественном числе, в настоящее время употребляются в единственном числе: например, лексема *spropitné* (по смыслу деньги – множественное число) сейчас употребляется без означаемого имени существительного – ср.: *Nikdo nechce dávat na spropitném zbytečně mnoho peněz*. В русском языке подобные изменения нами обнаружены не были.

Интересной грамматической особенностью определенных субстантивированных прилагательных в русском языке является также их **правописание**, а именно упрощение двойного согласного звука -нн (например: *раненный человек* → *принесли раненого*; *мороженная рыба* → *люблю мороженое* и тому подобное). Правописание н/нн в таких случаях нельзя заменить.

Итак, основываясь на вышеизложенном, можно обобщить, что субстантивация является семантическим и грамматическим явлением, результатом взаимодействия частей речи и активным процессом в современном языке и речи, связанным со словообразованием, морфологическим и синтаксическим уровнем языковой системы. Принцип настоящего явления заключается в том, что в определенных синтаксических позициях обозначают предмет и проявляют морфологические свойства имени существительного слова других частей речи – в данном случае имен прилагательных (Высоцкая 2009: 12). Суть данного несловообразовательного способа образования наименований заключается в переходе имен прилагательных в разряд имен существительных без какого-нибудь формального преобразования –

первоначальный признак предмета (лица, какого-либо существа) становится самостоятельным названием носителя признака (например: *больной человек* → *больной*; *сладкое блюдо* → *сладкое* и т.п.). Одновременно с изменением частеречной принадлежности меняется также синтаксическая позиция и функция субстантивированных имен прилагательных в предложении – типичное имя прилагательное употребляется в функции согласованного определения, а «субстантиваты» начинают выполнять первичные для имен существительных функции подлежащего и дополнения, так как они полностью заменяют существительные в тексте, однако, формально они остаются прилагательными – склоняются по образцам прилагательных. Отсюда следует сделать вывод, что субстантивированные прилагательные, бесспорно, являются синкретичными, так как они сочетают в себе свойства обеих частей речи – имен существительных, а также одновременно имен прилагательных.

2.2. ВОЗНИКНОВЕНИЕ СУБСТАНТИВАТОВ

2.2.1. УНИВЕРБИЗАЦИЯ АТРИБУТИВНЫХ СОЧЕТАНИЙ

Исследуемый несловообразовательный способ образования наименований, при котором не возникают совершенно новые слова или дериваты от однокоренных слов, а имеющиеся слова только переходят в разряд другой части речи и приобретают новые значения без изменения их формы, чаще всего является следствием **универбизации атрибутивных сочетаний** – имени прилагательного в качестве означающего с именем существительным как означаемым. Принципом такой универбизации является опущение означаемого члена атрибутивного сочетания (как самого собой разумеющегося, аксиоматического), оставшийся означающий член примет значение и синтаксическую позицию всего сочетания (например: *zelená barva* → *na semaforu naskočila zelená* – т. е. *зеленый цвет*; *netočný člověk* → *zavolejte dalšího netočného* – т. е. *больного человека, пациента*).

Имя прилагательное субстантивируется не во всех своих значениях в целом, а только в конкретном значении, которое оно имеет в исходном атрибутивном сочетании – значит, что для субстантивированных имен прилагательных характерна **конкретизация** их общего лексического значения. Изменение при

субстантивации семантики имени прилагательного одновременно связано с «включением в его семантическое поле значения имени существительного, то есть с **семантической компрессией**, при которой в одном языковом знаке совмещаются значения слов двух разных частей речи» (Редькина 2003: 50). Для примера представим значение субстантивата *красный*: к основной семе «имеющий цвет крови» в результате субстантивации добавляется элемент значения «кровь», «сторонник революции во время гражданской войны в России», в политике данная лексема обозначает «приверженца идей социализма или коммунизма» и в разговорной речи «красный свет светофора, либо семафора». Таким образом, субстантивированное прилагательное *красный*, называет предмет (лицо), а обозначение признака предмета (его цвета) – это один из элементов значения данного субстантивата.

2.2.2. ЭЛЛИПС/ЭЛЛИПСИС

В связи с вышеизложенным можно констатировать, что большинство субстантивированных имен прилагательных является результатом опущения означаемого имени существительного. Настоящий вид трансформации называется **эллипс/эллипсис**, то есть «невывраженность тех фрагментов предложения, значение которых может быть восстановлено из контекста» (Тестелец 2011). З. Выходилова настоящую трансформацию характеризует следующим образом: «эллипс является контекстуально, или ситуационно условное отсутствие конститутивного элемента формулы предложения» (Выходилова 2011: 82). Как мы объяснили выше, говоря о сути субстантивации имен прилагательных в целом, эллипсис слова вызывает смену частеречного статуса другого слова, подчинённого первому. Например, в выражении *шампанское вино* слово *вино* обычно лишнее, потому что с другими существительными *шампанское* не употребляется (разве что в женском роде), и *шампанское* берёт на себя роль существительного (Тестелец 2011). Итак, если «в прилагательном есть намек на предмет, и если предмет известен настолько, что одного намека достаточно...существительное опускается» (Пешковский 1956: 134). «Существительное продолжает подразумеваться, но перестанет произноситься, в связи с чем его грамматические признаки (характер категории рода, числа, падежа, синтаксическая функция) передаются прилагательному» (например: *запасной игрок* → *запасной*, *наличные деньги* → *наличные*) (Редькина

2003: 52). Процесс образования субстантиватов путем эллипсиса свойственен обоим интересующим нас языкам – как русскому, так чешскому.

2.2.3. АНАЛОГИЯ

Следующим из двух путей, которыми субстантивированные слова адъективного склонения появляются в русском и чешском языках, является возникновение под влиянием **аналогии**, в связи с чем необходимо упомянуть вопрос о так называемой «ложной» **субстантивации прилагательных**. «Некоторые единицы языка, традиционно рассматриваемые как субстантивированные прилагательные, никогда не употребляются в сочетании с существительным, а, минуя эту ступень и не пройдя через стадию эллипсиса, сразу стали существительными» (Редькина 2003: 54). В качестве примера можно указать, например, такие слова, как *парикмахерская*, *учительская*, никогда не употреблявшиеся в сочетании с существительным *комната* (однако, большинство лексем данного типа вполне возможно употреблять также в качестве прилагательных, напр.: *парикмахерская услуга*, *учительская профессия*). Таким образом, подобные субстантиваты образуются по аналогии с существующей в языке моделью субстантивации (ср.: *парикмахерская*, *учительская* – как *гостиная*, *столовая*). Очевидно, что данная модель, являющаяся мотивирующей базой для возникновения аналогичных субстантиватов, также определяет их грамматическую категорию рода. Такие субстантиваты, не происшедшие из сочетания прилагательного с существительным, были замечены, например, А. М. Пешковским, который писал, что «при таких словах, как *родной*, *больной*, *хромой*, *слепой*, *глухой* и т.д., слова *человек* никогда и не было» (тем не менее, сочетание подобных лексем в качестве прилагательных с существительными также возможно: *хромая лошадь* и др.) (Пешковский 1956: 136). По мнению ряда исследователей (Бортэ 1985, Бунина 1976, Лукин 1969, Марков 1961, Низинская 1972, Перльмуттер 1948, Ройзензон 1962 и т.д.), «образование субстантиватов по аналогии с уже существующими в языке словами без происхождения через стадию эллипсиса не является субстантивацией в полном смысле этого термина, несмотря на то, что их внешняя форма и грамматические признаки полностью тождественны свойствам субстантивированных прилагательных, так как речь идет не о морфолого-синтаксическом, а о морфологическом словообразовании» (Редькина 2003: 54).

Однако, в нашей работе субстантиваты, образованные по аналогии, не квалифицируются как «ложные» субстантиваты, так как образование слова в соответствии с существующей в языковой системе моделью включает его в какой-то определенный смысловой ряд. Наше мнение совпадает, например, с мнением О. В. Редькиной, которая убеждена, что «будучи включенными в смысловые ряды субстантиватов со значением помещения и лица, они автоматически вобрали в свое семантическое поле значение указанных существительных» (Редькина 2003: 55).

2.3. СЕМАНТИЧЕСКИЕ МОДЕЛИ СУБСТАНТИВАТОВ

Субстантивация имен прилагательных как средство обозначения предмета (лица, существа – носителя признака) используется особенно в рамках определенных **семантических групп или моделей**, характеризующихся большей или меньшей степенью устойчивости, так как «наличие модели, или смыслового ряда, является одним из основных условий субстантивации прилагательных и слов адъективного склонения» (Редькина 2003: 53). «Под моделью субстантивации следует понимать группу субстантиватов, являющихся видовыми обозначениями по отношению к общему родовому понятию, составляющему вершину модели» (Редькина 2003: 175). В русском языке встречаются, например, существительные *pluralia tantum*, к числу которых принадлежат названия денежных выплат (например: *наличные – hotovost, премиальные – prémie, суточные – diety* и др.), в то время как в чешском языке в данном значении чаще употребляются существительные (субстантивированные прилагательные) среднего рода, которые на другом языке даже часто не имеют однословного эквивалента (например: *školné – плата за обучение, výživné – деньги на содержание ребенка/алименты, vstupné – входная плата, nájemné – арендная плата, jízdné – плата за проезд* и др.), тем не менее, как показали результаты нашего исследования, субстантиваты, относящиеся к настоящей семантической группе, иногда встречаются также в русском языке, однако, это преимущественно историзмы, данный тип является непродуктивным (например: *отступное – odstupné*).

В русском и чешском языках путем субстантивации имен прилагательных можно образовать названия лиц в зависимости от их характера, деятельности или должности, что является самым продуктивным и многочисленным семантическим

классом субстантиватов, так как для обозначения лица можно использовать практически любое имя прилагательное (например: *знакомый – známý, заведующий – vedoucí, пеший – pěší, ротный – rotný, больной – nemocný, подчиненный – podřízený, арестованный – zatčený, уполномоченный – zplnomocněný, обвиняемый – obviněný, преследуемый – pronásledovaný, эксплуатируемый – využívaný, горничная – pokojská, глухой – hluchý, немой – němý* и другие). Некоторые субстантиваты, относящиеся к настоящей семантической группе, встречаются преимущественно или только во множественном числе (например: *mladí – молодые, starí – пожилые, dospělí – взрослые* и др.), одинаково как и названия классификационных категорий (например: *цитрусовые – citrusovité, яйцекладущие – vejcorodí, хоботные – chobotnatí, двоякодышащие – obojživelní, мотыльковые – motýlokvěté* и др.). Другие семантические группы связаны преимущественно только с одним из рассматриваемых языков.

Русские имена существительные женского рода, не имеющие эквивалентных субстантиватов в чешском языке, являются преимущественно обозначениями помещений, заведений или комнат согласно их назначению (например: *слесарная – zámečnictví, парикмахерская – kadeřnictví, мастерская – dílna, профессорская – sborovna, операционная – operační sál, ванная – koupelna, курильная – kuřárna, столовая – jídelna, котельная – kotelna, гостиная – obývací pokoj, булочная – pekařství, детская – dětský pokoj, процедурная – ošetřovna/ordinace, прачечная – prádelna* и другие). В официально-деловом стиле русского языка достаточно обширна группа субстантивированных названий некоторых документов, имеющих парадигму женского и среднего рода единственного и множественного чисел (например: *накладная – nákladní list, заказное – rekomandovaný dopis* и др.) В чешском языке довольно широко используется семантическая модель со значением учебных заведений или институтов (например: *vysoká – высшее учебное заведение, umělecká – художественное училище → о школах; právnická – юридический факультет, pedagogická – педагогический факультет, filozofická – философский факультет → о факультетах*), в связи с чем используется также немногочисленная группа лексем со значением оценки учебных достижений – отметки: *výborná – пятерка, chvalitebná – четверка, dobrá – тройка, dostatečná – двойка, nedostatečná – единица*. Тем не менее, основываясь на результатах нашего исследования, можно

обобщить, что в чешском языке в целом субстантиваты женского рода употребляются намного реже чем в русском.

Что касается семантических групп имен существительных среднего рода, то они более разнообразны. Путем субстантивации имен прилагательных в русском языке часто образуются названия блюд и напитков (например: *спиртное* – *lihovina*, *мороженое* – *zmrzlina*, *сладкое* – *toučník*, *второе* – *hlavní chod*, *первое* – *předkrm*, *жаркое* – *rečeně* и др.), подобные субстантивированные названия блюд и напитков можно наблюдать также в чешском языке (например: *houbová/koprová/rajská* → *грибной/укропный/томатный соус*, *svíčková* – *говяжья вырезка под сливочным/сметанным соусом*, *hovězí* – *говядина*, *vepřové* – *свинина*, *šampaňské* – *шампанское*, *červené a bílé* – *красное и белое вино* и др.). К разряду имен существительных среднего рода принадлежат также абстрактные существительные, что, как показал анализ функционирования субстантивированных прилагательных, в русском языке, в отличие от чешского, является второй по продуктивности семантической группой (например: *комическое* – *komično*, *прекрасное* – *krásno*, *прошлое* – *minulost*, *будущее* – *budoucnost*, *настоящее* – *přítomnost*, *идеальное* – *ideál* и другие).

Субстантивированные прилагательные встречаются также в терминологической лексике, например, в подходящей для темы нашего исследования лингвистической терминологии: *настоящее (время)* – *přítomný čas*, *существительное (имя)* – *podstatné jméno/substantivum*, *прилагательное (имя)* – *přídavné jméno/adjektivum*, *обозначающее* – *signifiant*, *обозначаемое* – *signifié*, и многие другие.

В отличие от русского языка, в чешском языке субстантивированные прилагательные встречаются также в качестве названий некоторых спортивных игр (например: *kopaná*, *házená*, *košíková*, *odbižená* и др.), в то время как в русском языке даже не встречаются исконно русские названия указанных игр, а преимущественно заимствованные (*футбол*, *гандбол*, *баскетбол*, *волейбол* и др.). В повседневной неофициальной и разговорной речи происходит субстантивация названий улиц путем эллипсиса существительного «улица» (например: *Okružní*, *Pražská*, *Nerudova*, *Olomoucká*, *Puškinova* и др.). В чешском языке субстантиваты (абстрактного характера) встречаются также в устойчивых сочетаниях, не имеющих соответствия

в русском языке (например: *zmylená neplatí, nemáš na vybranou, na rozloučenou, na shledanou, s nepořízenou, na pamětnou, na uvítanou* и другие), редко используются также названия религиозных и мифических существ, понимаемых как лица мужского рода: *všemohoucí – всемогущий, rohatý – рогатый, zlý – злой, nečistý – нечистый, svatý – святой*; к субстантиватам женского рода, входящим в настоящую семантическую группу, относится, например, существительное *zubatá – смерть*. В русском языке лексемы данной семантической группы встречаются только в исключительных случаях, однако, в рамках нашего исследования было найдено, например, название *духа воды – «водяной», духа леса – «леший», духа дома – «домовой»*.

2.4. МОТИВИРУЮЩИЙ КОНТЕКСТ

Как показали результаты обработки собранных текстовых материалов, субстантивация относится к числу наиболее частых способов словообразования в системе современного русского языка. В чешском языке субстантивация имен прилагательных по сравнению с и другими (особенно европейскими – например, английским и немецким) языками не столь распространена, тем не менее, роль данного способа образования наименований в системе чешского языка, безусловно, не является незначительной. Продуктивность настоящего явления Л. В. Зубова объясняет следующим образом: «по сравнению с суффиксальным словообразованием частеречная трансформация – кратчайший способ выражения непредметной семантики» (Зубова 1989: 251). Взаимодействие имен существительных с прилагательными вполне естественно, на что в своем исследовании указывает также И. В. Высоцкая: «Близость имен существительного и прилагательного очевидна, поскольку прилагательное семантически и грамматически зависит от существительного. Именно сочетаемость с существительным – важнейший показатель принадлежности слова к классу прилагательных» (Высоцкая 2009: 13). «Без существительного, явного или подразумеваемого, нет прилагательного», писал также Л. В. Щерба (Щерба 2007: 70). О легкости перехода имен прилагательных в разряд существительных Л. Г. Яцкевич даже писала, что «любое прилагательное в определенных контекстуальных условиях может быть подвергнуто субстантивной транспозиции» (Яцкевич 1977: 104), в связи с чем следует указать на значимость контекста при

анализе субстантивированных единиц, чего в имеющихся работах, посвященных настоящему явлению, практически нет. Лишь Л. Г. Яцкевич в своей статье подчеркивает, что значение субстантивированных прилагательных «предсказуемо только в самом общем виде, и, как правило, прямо не выводится из лексического значения мотивирующего прилагательного. [...] Для выяснения семантического и парадигматического содержания данных слов необходим широкий контекст» (Яцкевич 1977: 103). О. В. Редькина насчет вышеуказанного добавляет, что «субстантиват образуется на базе прилагательного, то есть представляет собой производное, мотивированное слово. Введение такого слова в текст может быть обусловлено контекстом» (Редькина 2003: 141), который целесообразно называть **мотивирующим контекстом**. «Под мотивирующим контекстом мы понимаем фрагмент текста, в пределах которого субстантивированная форма выступает как семантически самостоятельное слово. Другими словами, мотивирующий контекст – это фрагмент текста, создающий условия для обоснованного употребления и адекватного понимания субстантивата» (Редькина 2003: 141) – может носить поясняющий, поддерживающий характер, на основании чего прилагательные могут быть признаны субстантиватами, ср.: *Кто-то печальный и длинный, весь обвернутый в белый атлас, ей (Софье Петровне) навстречу пошел по пустеющим залам [...] Но печальный и длинный медленно покачал головою, приложил палец к устам и велел ей молчать* (А. Белый). Однако, в результате обработки имеющегося текстового материала мы обнаружили, что во многих конструкциях, содержащих субстантиват, мотивирующий контекст отсутствует – видимо, что многочисленные прилагательные практически не зависят от контекста, в котором они употребляются. Мы связываем это с тем, что «прилагательные с низкой степенью зависимости от контекста очень употребительны, т.е. характеризуются высоким коэффициентом частотности» (Редькина 2003: 142), имеют узуальный характер или обобщающую семантику. К числу наиболее употребляемых субстантиватов, не очень зависящих от контекста, относятся, например, лексемы *будущее*, *знакомый*, *прошлое* и т.д. – подобные лексемы, как правило, не требуют пояснения, ср.: *После трех лет работы в типографии Артем растерял всех институтских знакомых, кроме Арсения* (К. Куталов). *Творчество Александра Блока – целая поэтическая эпоха, эпоха недавнего прошлого* (В. Маяковский). Однако, кроме того, что в определенных контекстах вышеуказанные лексемы существуют в качестве самостоятельных существительных, их можно употреблять также в их первичной функции

прилагательных – напр.: *будущее поколение, знакомый запах, прошлое тысячелетие* и тому подобное.

С другой стороны, существуют также субстантивированные формы, сильно зависящие от мотивирующего контекста. Наиболее частыми являются, например, следующие субстантиваты: *прохожие, больной, молодой, рабочие, маленький* и другие, напр.: *Он – это учитель литературы, маленький, ехидный человек. [...] Анатолий проводил (электропроводку) как раз в учительской, когда этот **маленький** попросил: «А один конец вот сюда спустите...»* (В. Шукшин).

Итак, основываясь на вышеуказанных положениях, можно прийти к выводу, что большинство прилагательных невозможно с уверенностью считать субстантиватами без знания окружающего их контекста и синтаксической позиции.

2.5. СТИЛИСТИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА СУБСТАНТИВАТОВ

В каждой языковой системе под влиянием среды, воздействующей на развитие языка, с течением времени происходят неизбежные изменения, так как «предназначение языка – быть инструментом передачи знаний в актах общения, служить выражению значений в коммуникации» (Кравченко 2001: 6). «В таком информативном потоке и рождаются новые речевые фигуры, происходит естественная замена знаков, т.е. их архаизация, с одной стороны, и, с другой – непрерывное изобретение отвечающих современным условиям более совершенных языковых моделей» (Фысина 2007: 81). Основываясь на указанных утверждениях, следует отметить, что употребление любых языковых средств и происходящие в языковой системе процессы не могут быть изучены в отвлечении от носителей данного языка, несмотря на общепринятые, нормативные явления. Особенно важными в стилевой организации речи являются внеязыковые факторы, потому что «каждый факт языкового употребления имеет экстралингвистические обоснования» (Стилистика русского языка 1987: 17) и подчинен информативной, коммуникативной и эмотивной задачам. Изучению использования разных языковых средств при различных обстоятельствах и с разными целями посвящена **стилистика**. Согласно определению В. В. Виноградова, «стиль – это общественно осознанная и функционально обусловленная, внутренне объединенная совокупность приемов употребления, отбора и сочетания средств речевого общения

в сфере того или иного общенародного, общенационального языка, соотносительная с другими такими же способами выражения, которые служат для иных целей, выполняют иные функции в речевой практике данного народа» (Виноградов 1955: 73). Согласно вышеуказанному высказыванию, стиль определен организацией текста и набором конкретных языковых средств, служащих достижению определенной коммуникативной цели. Однако, отбор стилистических средств определен не только коммуникативным, но и антропокультурным аспектом, так как **«функциональный стиль** – это своеобразный характер речи той или иной социальной ее разновидности, соответствующей определенной сфере общественной деятельности и соотносительной с ней форме сознания, создаваемый особенностями функционирования в этой сфере языковых средств и специфической речевой организацией» (Кожина 1993: 48). Носители языка не всегда задумываются о сочетаемости языковых единиц, и такая «неосознанность» часто способствует возникновению новых лексических единиц, и «обладая конкретной семой и синтагматическим окружением, контекстом, эти единицы являются новыми для морфологической системы языка и занимают в ней новую ячейку или пополняют уже сформировавшийся лексико-грамматический класс слов» (Фысина 2007: 84). Таким образом, как уже было нами сказано в рамках раздела, посвященного возникновению исследуемого нами явления, субстантиваты в большинстве случаев образуются в разговорной речи в результате эллипсиса и пополняют разряд имен существительных с адъективным типом склонения (например: *мобильный, цифровой* и т.п.).

Необходимо учитывать не только лексическое значение языковой единицы, но и ее экспрессивно-функциональные свойства. Выбор конкретных средств зависит от характера и цели коммуникации, важные также условия общения. Среди исследуемой нами лексико-грамматической группы – субстантиватов – есть и **единицы, принадлежащие к определенному функциональному стилю** (напр.: *вечное, незабываемое* и т.п.), и контекстуально неокрашенные, межстилевые, **стилистически нейтральные единицы** – например, обозначение лица по профессии (*рабочий, военный, ученый, заведующий* – по-чешски *vedoucí*), или название языков (*русский, английский, чешский*). (Однако, иногда не употребляются субстантиваты данного типа, а словосочетания: *русский/английский язык*.) Наличие

нейтральных лексем, безусловно, свидетельствует об их закреплённости как в чешском, так в русском языке.

2.5.1. ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ СУБСТАНТИВАТОВ В КНИЖНЫХ СТИЛЯХ РЕЧИ

Существуют также субстантиваты, являющиеся более выразительными, «стилевыми маркерами». Использование стилистически окрашенной лексики зависит от тематического контекста и содержания текста.

2.5.1.1. НАУЧНЫЙ СТИЛЬ

Были обнаружены, например, субстантиваты, характерные для **научного стиля**. Для речевых средств научного стиля характерно то, что они лишены эмоциональности и индивидуальности – тяготеют к объективности, «обладают признаками и свойствами научно-логической принудительности, абстрактной условности» (Ефимов 1969: 12). Ядром научного стиля является термин, так как тексты, принадлежащие к данному стилю, имеют теоретическое значение и характерны терминологичностью словарного состава. Термином подразумевается «слово, словосочетание специальной сферы употребления, являющееся наименованием научного или производственно-технологического понятия и имеющее дефиницию» (Исследования по русской терминологии 1971: 11), причем терминами могут обозначаться только знаменательные слова, то есть «слова, обладающие самостоятельным лексическим значением, выполняющие номинативную функцию, т. е. служащие названиями предметов, действий, качеств, свойств, отношений в окружающей нас действительности, выступающие в предложении в качестве его членов» (Словарь-справочник лингвистических терминов: 1976). Среди субстантиватов, относящихся к терминам, можно выделить несколько лексико-семантических разрядов слов, принадлежащих к определенной сфере деятельности, а именно термины философии и психологии (*конечное и бесконечное, конкретное и абстрактное* и др.), математические (*целая, делимое, кратное* и др.), лингвистические (*согласный, прилагательное, подлежащее, запятая* и др.), медицинские (*болеутоляющее, жаропонижающее, откашливающее, рвотное* и др.), биологические (*яйцекладущие – vejcorodí,*

живородящие – živorodí, двоякодышащие – obojživelní), юридические (*обвиняемый – obviněný, заключенный, уполномоченный – zplnomocněný, арестованный* и др.) и т.д. В рамках некоторых из вышеуказанных разрядов терминов-субстантиватов очевидно совпадение в русском и чешском языках.

Более того, субстантиваты в научном стиле представлены не только типичными для него терминами, но они используются вместе с местоимениями, союзами и наречиями в качестве средств связи. Типичными фразами являются, например: «*Исходя из вышесказанного...*», «*Из предыдущего мы знаем...*», в чешском языке встречается, например, „*Na základě již řeceného...*“ и т. д. По словам У. Н. Фысиной, «подобные конструкции – клише, штампы и не обладают терминологическим значением, но позволяют указывать последовательность мысли, логику построения научного высказывания, что является его обязательной характеристикой» (Фысина 2007: 99). Основываясь на вышеизложенном, можно заключить, что субстантиваты являются закреплённой составляющей научного стиля и всех его жанровых разновидностей, как в качестве терминов, так и средств синтаксической организации текста.

2.5.1.2. ГАЗЕТНО-ПУБЛИЦИСТИЧЕСКИЙ СТИЛЬ

Субстантиваты не исключительно встречаются также в **газетно-публицистическом** стиле, который является одним из самых подвижных, способных к внутренним и внешним изменениям как в русском, так и чешском языке. В научной литературе даже встречаются определения публицистического стиля как «пульс сегодняшних событий» (Кайда 1989: 28) или «летописи современности» (Солганик 2006: 202), выражающие достаточно хорошо его актуальность.

Настоящий стиль выполняет две основные функции. Во-первых, это **функция сообщения**. Для ее реализации в настоящем стиле используются общеупотребительная и нейтральная лексика, например: «*Больничный может стать электронным*» (Московский комсомолец 09.11.2016); «*Новобрачные сбежали из ресторана, увидев счет за банкет*» (Новости отовсюду 27.10.2016); «*Организаторы Формулы 1 движутся в тренде мировой автомобильной промышленности, работая с технологиями, которые в будущем могут появиться*

на дорожных машинах с электрическим двигателем» (F1news 25.12.2016). В чешских публицистических текстах мы обнаружили следующие примеры: „*O tom, kdy mají nárok na mateřskou, ošetřovné či nemocenské, panují mezi spoustou maminek nejasnosti*“ (měšec.cz 05.09.2014); „*Samotná skutečnost, že obžalovaný má rodinnou vazbu s předsedou soudu, není důvodem k přesunu kauzy do jiného města*“ (ČTK 26.10.2016); „*Nezaměstnaní, kteří budou ochotni vykonávat veřejně prospěšné práce, by měli dostávat vyšší příspěvky na živobytí*“ (účetní-portál.cz 09.09.2016) и другие. Вышеуказанные примеры показывают, что субстантиваты в информационных статьях используются в прямом значении и они зачастую лишены субъективной оценки.

Вторая функция – это **эмоциональное воздействие** на читателя, характерная черта газетно-публицистических жанров. Газетная и журнальная проза отличается игрой языковыми средствами, в том числе субстантиватами. Языковая игра состоит в «нарушении изобразительно-языковой рутины, в неожиданном взгляде на предмет, выраженным индивидуально-образным способом номинации» (Ефимов 1969: 30), что можно продемонстрировать на высказываниях типа: «*Справочная справок не дает*» (ComNews 14.01.2008) и «*Живой – кино для мертвых*» (московский комсомолец 21.09.2006), основанных на игре смыслов. Для публицистического стиля стали характерными также субстантиваты, обозначающие общественных движений, политических групп и партий, например, *оранжевый, зеленый, бритоголовый* и т.д.: «*"Зелёные" и "Деловая Россия" объединяют усилия в области экологии*» (сайт российской партии «Зеленые» 14.12.2016); «*Преследовавшие девушку были незнакомые ей бритоголовые, которые нагнали ее и начали избивать*» (Armenia Today 11.08.2008) и т.д. Среди чешских новостей обнаружены следующие примеры: „*Místa na kandidátních listinách by si zelení a Piráti rozdělili přibližně půl na půl*“ (Tiscali 05.12.2016); „*Sociální demokraté se už totiž připravují, že půjdou s rudými do koalice*“ (Blesk 13.10.2012). Примеры использования субстантивированных образований в публицистических текстах бесчисленные: «*Первых погибших в катастрофе Ту-154 доставят в Москву сегодня утром*» (МК 26.12.2016); «*Осужденный из дзержинской колонии ударил ножом обидчика*» (МК 03.10.2016); «*Так уж мы устроены – нам нравится все сладкое и жирное*» (МК 23.06.2014); «*Католикам запретили развеивать прах своих близких*» (МК 25.10.2016); «*Им нельзя жирное, соленое, острое, жареное, копченое*»

(МК 15.04.2013) и многие другие. Не менее частые подобные случаи в публицистических текстах на чешском языке: „*Převoz zemřelého na pitvu pozůstali nemusí platit, rozhodl soud*“ (Novinky.cz 23.06.2015); „*Následovaly další protesty a počet mrtvých se od loňského srpna počítá na 1400*“ (ČTK 07.03.2014); „*V současné době je to moderní věznice, v níž pykají odsouzení za různé činy*“ (Novinky.cz 03.10.2016); „*Lidé, kteří dlouhodobě pečovali o své blízké v nemoci nebo stáří a pobírají kvůli tomu často velmi nízké penze, se mohou těšit, že si alespoň o trochu polepší*“ (Novinky.cz 21.08.2009); „*Závislost na sladkém je nebezpečnější než mlsání*“ (Novinky.cz 05.05.2016) и т.д. Следует отметить также субстантиваты со сниженной просторечной и разговорной коннотацией, которые придают ироничность сообщаемой информации: «*Психбольным разрешили узнать, почему они сошли с ума*» (МК 21.09.2006). Одной из очень распространенных разновидностей публицистического стиля в современном русском языке является рекламный текст, в котором «все подчинено идее поймать внимание, воздействовать на возможного клиента» и отсюда «стремление соригинальничать, поиграть словами, изобразить неожиданную образность» (Костомаров 2004: 54). Встречаются такие рекламные предложения, как «*Смотрите на первом...*»; «*Для влюбленных в кофе*»; „*Překvapte své blízké originálními dárky!*“ и т.д.

Приведенные лексемы в большинстве случаев возникли путем эллиптической субстантивации, что в публицистическом стиле закономерно, так как «возникает необходимость выгодным образом представить сообщение в кратчайший срок и по возможности в сжатом виде» (Фысина 2007).

Итак, очевидно, что субстантивированные прилагательные являются неотъемлемой частью публицистического стиля, способствуют проявлению субъективной эмоциональной оценки и помогают формировать новые контексты, субстантиваты часто употребляются также в рамках речевой игры.

2.5.1.3. ОФИЦИАЛЬНО-ДЕЛОВОЙ СТИЛЬ

Следующим стилем, в котором используются субстантивированные прилагательные, является **официально-деловой**. Однако, доля субстантиватов в настоящем стиле по сравнению с другими функциональными стилями небольшая.

Основной сферой функционирования настоящего стиля в русском и чешском литературных языках является административно-правовая деятельность. Настоящий стиль включает разнообразие жанров – закон, устав, приказ, договор, жалобу, инструкцию, заявления, а также, например, статистический отчет, анкету и множество других.

Тексты официально-делового стиля выполняют констатирующую, информативную и предписывающую функции, поэтому их содержание исключает двусмысленность и инотолкование: «Язык законов требует прежде всего точности и невозможности каких-либо кривотолков» (Щерба 1957). По этой причине «в официальных документах неупотребительны слова с переносным значением, а также эмоционально окрашенная и разговорная лексика, среди них есть и значительное количество профессиональных терминов» (Фысина 2007: 107). Для лексического состава настоящего стиля, так же как и для научного, характерны устоявшиеся формулы и клише, а также устойчивые обороты, словосочетания и специфические слова, которые называются канцеляризмами. Приведенные особенности отражают и функционирующие в официальном стиле субстантиваты: «*Учащийся* приходит в школу за 15–20 минут до начала занятий, чистый и опрятный, занимает свое рабочее место и готовит все необходимые принадлежности к предстоящему уроку» (из правил поведения учащихся образовательного учреждения); «*Отказывая в удовлетворении заявленного требования, суд первой инстанции исходил из следующего...*» (из итоговой справки по результатам изучения судебной практики); «*Согласно Конституции РФ работающему по трудовому договору гарантируются установленные федеральным законом продолжительность рабочего времени, выходные и праздничные дни, оплачиваемый ежегодный отпуск*» (из Конституции РФ); «*"Продавец", с одной стороны, и "Покупатель", с другой стороны, находясь в здравом уме и твердой памяти, действуя добровольно, заключили настоящий договор о нижеследующем*» (из договора купли-продажи); „*Obviněný má právo odepřít výpověď; tohoto práva nesmí být žádným způsobem zbaven*“ (из законодательства Чешской Республики); „*Dárce touto smlouvou daruje obdarovanému celou svou výše popsanou věc nemovitou s jejími součástmi, příslušenstvím a vybavením*“ (из договора дарения).

Таким образом, субстантиваты в официально-деловом стиле довольно немногочисленные. В большинстве случаев они обладают семой «действие» или встречаются в качестве названия профессии и характеристики лица, то есть они отличаются тематической ограниченностью и семантической специализированностью, что обусловлено задачей данного стиля и сферы их функционирования, которой является обеспечение четкости, лаконичности и однозначности высказываний.

2.5.1.4. ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ СТИЛЬ

Значительной сферой функционирования и очень частого присутствия субстантивированных прилагательных является **художественный стиль**, так как язык художественной литературы отличается использованием разнородных выразительных средств, в том числе разговорных – лексика настоящего стиля не ограничена ни тематически, ни стилистически. «Здесь могут использоваться средства всех других стилей – и термины, и официальные выражения, и разговорные слова и обороты, и публицистика» (Солганик 2006: 197). В текстах художественной литературы (как на русском, так и чешском языках) встречаются диалектизмы и просторечные единицы, грубые слова (жаргонизмы) и лексемы, принадлежащие к высокому, поэтическому стилю, лексика публицистического стиля и профессионально-деловые обороты. Такое разнообразие речевых средств доказывает стилистическую открытость для любых способов выражения и всех функциональных стилей. Но основной задачей, которой все употребляемые средства выражения подчиняются, является создание экспрессивности, выражение так называемой эстетической функции, то есть воздействие художественной литературы на читателя: «Язык словесного искусства, словесного творчества пользуется речевыми средствами индивидуализированным, экспрессивными, многообразными и творчески организованными, эффективно воздействующими на весь комплекс духовной человеческой восприимчивости – сознание, чувства, эмоции и воли» (Виноградов 1963: 131).

Субстантиваты в художественном стиле выполняют несколько функций. Во-первых, они обозначают конкретные реалии и просто помогают создать вымышленный мир литературного произведения – это **нейтральные**,

общеупотребительные лексемы: «*И, проводив ее блинами и вином, // Поминки ей творим мороженым и льдом.*» (А. С. Пушкин); «*И снова, проходя через переднюю, он слышал голос жены. Она в ванной пела.*» (В. Набоков); «*Рвутся толпой и голодный и нищий // В двери епископа, требуя пищи.*» (В. А. Жуковский); «*О, ужель, как дикий краснокожий, // Удивится пришлецам Земля?*» (В. Я. Брюсов); „*Zaplatím, co budete chtít. Jste hodný člověk. Jste přece hostinský, že ano?*“ (V. Hugo); „*Ti nevyberou to, co se líbí jejich nebohým, ale to, co se líbí jim.*“ (L. Fuks); „*Ba správně Foibos, správně s ním i ty // se s péčí ujímáte mrtvého; // a užití mne právem po boku, // chci zemi té i bohu pomáhat.*“ (Sofoklés); „*Vašek a Ruda se shýbali nad srncem, pod prsty měli tělo zvířete, poddajné, ještě teplé, ještě nádherně napjaté, a teď do toho z houští vyrazil hajný a zaryčel...*“ (J. Čapek); „*Kluci, pojd'te si zahrát kopanou na hřiště za školou!*“ (R. Goscinný) и т.д.

Во-вторых, они помогают создать впечатление чего-то неосознаваемого, неуловимого – это лексемы, обозначающие «обобщенную субстанцию», которые можно назвать **«абстрактными» субстантиватами**. Такие субстантиваты чаще всего принадлежат к поэтическому стилю, так как по своей семантике они более эмоциональны: «*И часто я в вечерней мгле, // Под звон надломленной осоки, // Молюсь дымящейся земле // О невозвратных и далеких.*» (С. А. Есенин); «*Небесное умом не измеримо, // Лазурное сокрыто от умов.*» (А. А. Блок); «*Несказанное, синее, нежное... // Тих мой край после бурь, после гроз.*» (С. А. Есенин); «*Мы неведомое чуем, // И, с надеждою в сердцах, // Умирая, мы тоскуем // О несозданных мирах.*» (Д. С. Мережковский); „*Vlak míří přímo na mě, jiskry letí a brzdy pískají, jak se řidič snaží vyhnout nevyhnutelnému.*“ (A. Plum); „*Bývá tak, že člověk to, co se mu protiví, co ho nedojímá, snáze oželí, ani tak nelituje jako to krásné, co se mu líbí, a proto bývá mnohdy k onomu nespravedliv.*“ (B. Němcová); „*V ní potom zrodí mi osud // bytost podobnou tobě // jež nepoznané dosud // prožít dá mně i sobě.*“ (L. Cohen) и множество других примеров.

В-третьих, в художественной литературе встречаются также **окаzionaliальные субстантиваты**, которые «обладают яркой эмоциональной окраской, способствуют выражению авторского отношения и тем самым выполняют эмотивную функцию в художественной речи» (Фысина 2007: 121). Индивидуально-авторские субстантиваты довольно часто встречаются, например, в стихотворениях В.

Маяковского: «Если Марс, // и на нем хоть один сердцелюдый, // то и он // сейчас // скрипит // про то ж.» («Про это»); «Богаты без края мы. // Карманов не хватит – // кладем в несгораемый.» («Невозможно»); «Я жирных с детства привык ненавидеть, всегда себя за обед продавая» («Мой университет»). Приведенные лексемы обладают элементами словотворчества и метафорической мотивацией, что характерно преимущественно для творчества футуристов, приемы которых часто были новаторские и необыкновенные.

В-четвертых, это **субстантиваты с просторечной и разговорной коннотацией**, с помощью которых автор передает свое отношение и создает реалистический образ героя, например: «Павел Петрович, узнав, что Евгений будет гостить у них, спросил: “Этот волосатый?”» (И. С. Тургенев); «Комната полна была народу. Были колбинские, захарьевские, приказчица с дочерьми, хлупинские...» (А. С. Пушкин); „A ten pra – pra – bůh mi odpust hříchů – ten vlasatý mazal s tím špičákem na hlavě, kterého jsem chtěl o terminu vyhodit z domu, co ten asi tropí!“ (S. Čech); „Jednou přepadli Petrovští osamělý mlýn v Jelenicích u Mělníka.“ (B. Říha); „Každý ráno v šest hodin jsme byli na place, taková defilírka, pan hoteliér přišel, po jedné straně koberce stál vrchní a číšníci a na konci já, tak maličký jako pikolík, a na druhý straně stáli kuchaři a pokojský a fický a kredencká...“ (B. Hrabal) и так далее.

Таким образом, с помощью вышеприведенных примеров из литературных текстов на русском и чешском языках мы показали, что художественный стиль, основная функция которого – эстетическая, объединяет субстантивированные прилагательные с разной коннотацией. Такая «открытость художественной литературы для любых языковых средств создает возможность для проявления стилистического потенциала субстантиватов как основной лексико-грамматической группы слов» (Фысина 2007: 124).

2.5.2. СУБСТАНТИВАТЫ В РАЗГОВОРНОМ СТИЛЕ РЕЧИ

Разговорный стиль речи, по сравнению с книжными стилями, резко отличается. Тем не менее, в рамках нашего исследования он является не менее важным, так как **разговорная речь** способствует развитию литературного языка и, более того, образованию субстантиватов, потому что «именно области разговорной

речи преимущественно принадлежит формирование новых переходных лексем согласно закону экономии речевых средств в процессе спонтанной, неподготовленной коммуникации» (Фысина 2007: 125). Такие субстантиваты отражают языковой вкус эпохи и называют актуальные явления и предметы, не заботясь о форме выражения мыслей, что подтверждает мнение У. Н. Фысиной, согласно которому «появление субстантиватов в разговорной речи отвечает прежде всего запросам общества, тем самым язык откликается на изменения общественной ситуации, настроения, интеллектуального и мировоззренческого развития людей» (Фысина 2007: 129).

Разговорные лексемы используются в публицистике и языке художественной литературы с целью реализации экспрессивной и эмотивной задачи (см. предыдущие разделы), например: «*В России пока только трое замороженных, но у отечественных ученых есть повод для праздника.*» (Новые известия 17.01.2007); «*В западных странах комиссионные при экспортных контрактах – тяжкое уголовное преступление, но не в РФ.*» (Новая газета 19.05.2014); „*Udiven nad podivnou řečí tou zdráhal se kalif tak učinit, ale poněvadž slepý jej držel za šat a nechtěl ho pustiti, pokud by nevyplnil prosbu jeho, dal mu slabý políček, zač mu slepý velice děkoval.*“ („Slepý Baba Abdallah, Vybrané báchoroky L.Bechsteina, bratří Grimmů aj.“); „*Romy učíme ve školách pro hloupe. Pak neseženou práci, prokázal výzkum.*“ (EuroZprávy.cz 10.04.2015); в речевом обиходе несколько последних лет довольно популярное также, например, выражение *крутой*, в молодежном сленге употребляемое в значении очень хороший, поразительный; *скинявий* (от англ. skinhead) и так далее. Кроме того, субстантиваты с разговорным или просторечным оттенком употребляются также в названии некоторых кинофильмов: «*Зачарованные*», «*Тупой и еще тупее*», «*Новые приключения неуловимых*»; на чешском языке встречаются такие названия, как, например: „*Blbý a blbější*“, „*Sedm statečných*“, „*Mladí a neklidní*“ и многие другие.

Итак, основываясь на результатах нашего исследования и обнаруженных нами субстантиватах, используемых в определенных контекстуальных окружениях и различных стилях – как в разговорном, так в книжных (научном, официально-деловом, публицистическом и художественном), можно прийти к выводу, что субстантивированные прилагательные широко употребительны практически во всех сферах общения и стилистических разновидностях обоих исследуемых нами языков,

не только в разговорной речи, где они в большинстве случаев возникают. Пользуясь итогами, приведенными в настоящей главе, мы также выбрали сферу, наиболее подходящую для дальнейшего исследования, а именно тексты художественной литературы, так как лексика художественного стиля практически ничем не ограничена, она включает в себя средства всех других указанных нами функциональных стилей.

2.6. ШКАЛА ПЕРЕХОДНОСТИ

Несмотря на все вышеизложенные факты, четкая классификация прилагательных в разряд субстантиватов возможна не всегда, хотя их контекстуальное окружение и семантическая позиция известны. В качестве средства иллюстрации взаимосвязи разных явлений языка, в том числе исследуемых нами частей речи, применяется предложенная В. В. Бабайцевой так называемая **шкала переходности**, позволяющая показать синкретичные образования, совмещающие признаки двух (и более) частей речи, между противопоставленными явлениями, обладающими полным набором дифференциальных признаков, систематизация которых однозначная:

А — (Ааб) — Аб — (Абб) — АБ — (ааБ) — аБ — Б.

Таким образом, на шкале переходности с помощью буквенных символов представлены типичные единицы языка (**А** и **Б**) – взаимодействующие части речи, между которыми располагаются синкретичные явления, совмещающие (в разных пропорциях) свойства противопоставленных типичных единиц языка. Зону синкретизма образуют звенья **Аб**, **АБ**, **аБ**, среди которых можно выделить так называемые периферийные (**Аб** и **аБ**) и промежуточные (**АБ**) образования. Как уточняет В. В. Бабайцева, периферийные звенья – это «слова и группы слов, у которых отсутствуют или не ярко выражены какие-либо дифференциальные признаки, характерные для ядра данной части речи. Их отсутствие или ослабление возмещается появлением каких-либо дифференциальных признаков сопоставляемого полярного типа (**А** или **Б**)» (Бабайцева 1983). Для промежуточных образований характерно равновесие сочетающихся дифференциальных признаков. У слов данного типа «отсутствует четкая доминантность и противоборствующие тенденции примерно равновелики» (Адмони 1961: 5). Так, «зона синкретизма – это

область переходных образований, характеризующихся синтезом (совмещением) дифференциальных признаков взаимодействующих частей речи» (Бабайцева 1983). С целью продемонстрировать функционирование вышеуказанной теории на практике приведем несколько конкретных примеров – предложений, содержащих в большей или меньшей степени субстантивированные имена прилагательные:

1. *Принесли бренди, он неторопливо пил, ища знакомые лица.* (М. Кэт)

Лексема *знакомые* в настоящем предложении является типичным прилагательным (А) в роли согласованного определения.

2. *Он был недоволен поведением Собакевича. Все-таки, как бы то ни было, человек знакомый, и у губернатора, и у полицеймейстера видались, а поступил как бы совершенно чужой, за дрянь взял деньги!* (Н. В. Гоголь)

Указанный пример нами воспринимается как периферийное звено (Ааб), будучи именной частью составного сказуемого. Из-за наличия опорного существительного *человек* можно воспринимать зависимый компонент *знакомый* как имя прилагательное.

3. *Получается, вы не просто знакомые, скорее у вас были дружеские отношения, если вы позволяли себе его злить.* (Л. П. Соболева)

Синкретичную лексему *знакомые* (Аб) невозможно классифицировать однозначно, так как в этом случае она может восприниматься как прилагательное и как субстантиват. Чтобы точнее определить, как использованное в вышеуказанных двух периферийных случаях слово мыслится, необходимо знать более широкий контекст.

4. *Если я не ошибаюсь, – начал я, подходя к своей основной теме, – в этом доме живет мой старый знакомый.* (Н. Фольдекс)

Вследствие добавления прилагательного *старый* в состав сказуемого подчеркнуты субстантивные свойства компонента *знакомый* (Абб).

5. *Многие наши знакомые восприняли бы это как нечто совершенно естественное.* (В. Д. Успенский)

Словоформа *знакомые* здесь употреблена в функции подлежащего и, таким образом, она может быть воспринимана как промежуточное явление (АБ) – субстантиват, отчетливо противопоставлен прилагательному в первом примере.

Видимо, что одна лексема в разных случаях и синтаксических позициях проявляет свойства типичного (ядерного) прилагательного, синкретичного образования, совмещающего свойства обеих частей речи, а также субстантивата, употребляемого в роли существительного. Как было нами показано, «маркером субстантивации можно считать не только употребление при слове согласованного определения, но и обособленного определения и определительной придаточной части» (Высоцкая 2006: 127).

3. СИНКРЕТИЧНЫЕ ЯВЛЕНИЯ В ОППОЗИЦИИ ИМЯ ПРИЛАГАТЕЛЬНОЕ – ИМЯ СУЩЕСТВИТЕЛЬНОЕ

Настоящая часть нашего исследования будет посвящена обработке синкретичных лексем, которые в своей структуре в большей или меньшей степени совмещают признаки двух частей речи, а именно прилагательных и существительных. Итоги, приведенные в теоретической части работы, позволяют нам идентифицировать субстантивированные прилагательные по их форме, синтаксических и морфологических свойствах. На основании раздела, описывающего стилистическую маркированность субстантиватов и их функционирование в определенных стилях, мы выбрали сферу, наиболее подходящую для дальнейшего исследования, а именно тексты художественной литературы, так как лексика художественного стиля практически ничем не ограничена, она включает в себя средства всех других указанных нами функциональных стилей. Затем мы обработали различные тексты художественной литературы на русском и чешском языках, в которых было нами обнаружено приблизительно 350 русских и 400 чешских предложений, включающих синкретичное образование на шкале имя прилагательное – имя существительное. Все выбранные нами примеры подвергнем анализу и попытаемся упорядочить их на так называемой шкале переходности. Однако, для составления шкалы переходности необходимо знать дифференциальные признаки обеих интересующих нас частей речи, которые позволяют нам выявить противопоставленные крайние звенья оппозиции (прилагательные и существительные с полным набором типичных семантических, морфологических и синтаксических признаков) и выделить синкретичные явления, в структуре которых отсутствует некоторый из их типичных дифференциальных признаков и, наоборот, включают некоторый из признаков противопоставленной им части речи.

В теоретической части нашей работы уже было нами указано, что типичные **прилагательные** отличаются следующими дифференциальными признаками:

- 1) они выражают статичный признак предмета,
- 2) имеют те же грамматические категории как существительные – число, падеж и род (в отличие от существительных, категория рода прилагательных

словоизменяемая), однако, зависящие от грамматических категорий имен существительных, признак которых прилагательные выражают,

3) с синтаксической точки зрения они выполняют первичную функцию согласованного определения или вторичную для прилагательных функцию именной части сказуемого (причем для кратких прилагательных возможна только функция сказуемого).

Для имен **существительных** характерно, что они:

- 1) обозначают предмет (субстанцию) в широком смысле слова,
- 2) данное значение они выражают в словоизменяемых категориях числа и падежа и в несловоизменяемой категории рода и
- 3) основной синтаксической функцией имени существительного считается функция подлежащего и дополнения (Русская грамматика 1980).

Субстантивированные прилагательные трудно классифицировать, они обладают некоторыми свойствами обеих частей речи – субстантиваты являются промежуточными, синкретичными явлениями. При субстантивации меняются морфологические, синтаксические, а также семантические свойства «бывших» прилагательных, теперь они:

- 1) обозначают предмет с определенным признаком, а не только признак – в одном выражении совмещаются значения слов двух разных частей речи,
- 2) приобретают морфологические признаки существительного – имеют самостоятельный род и изменяются по числам и падежам;
- 3) принимают синтаксическую позицию предмета (всего атрибутивного сочетания) – начинают выполнять функции подлежащего и дополнения.

Синкретичные образования идентифицируем на основе отсутствия некоторого типичного дифференциального признака и присутствия признака оппозиционной части речи, что продемонстрируем с помощью шкалы переходности:

A — (Aaб) — Аб — (Абб) — АБ — (ааБ) — аБ — (аББ) — Б.

В ходе анализа избранного текстового материала выявилось, что для распределения данных явлений может быть использована только первая половина всей шкалы переходности (А — (Ааб) — Аб — (Абб) — АБ), поскольку субстантивированные прилагательные всегда сохраняют форму прилагательного, и поэтому не были нами обнаружены явления, сочетающие в своей структуре больше признаков имени существительного, чем имени прилагательного. Значит, «вершиной» нашей шкалы должны быть субстантиваты в качестве промежуточного звена (АБ), сочетающего одинаковое количество дифференциальных признаков прилагательного и противопоставленного ему существительного. Итак, все найденные нами примеры будут распределены следующим образом:

- А – имя прилагательное
- Аб – периферия прилагательного
  - Ааб – ближняя периферия прилагательного
  - Абб – дальняя периферия прилагательного
- АБ – субстантиват.

3.1. А – ИМЯ ПРИЛАГАТЕЛЬНОЕ

Имена прилагательные являются типичной единицей языка, выраженной на шкале переходности с помощью буквенного символа А, то есть отличающейся полным набором характерных для прилагательных дифференциальных признаков, так как прилагательные:

- 1) выражают статичный признак предмета,
- 2) имеют те же грамматические категории (число, падеж и род) как имя существительное,
- 3) выполняют синтаксическую функцию согласованного определения (или вторичную для прилагательных функцию именной части сказуемого), что продемонстрируем на следующих примерах, избранных из материалов на русском и чешском языках:

~ *Я воображал себе это, и тут же мне приходили на память люди, все знакомые люди, которых медленно сживали со света их близкие и родные,*

- припомнились замученные собаки, сходящие с ума, живые воробьи...
(А. П. Чехов)
- ~ Вот и разсланы были во все страны послы искать королю невесту, которая бы как раз походила красотой на покойную королеву. (Братья Гримм)
- ~ Отрада жалоб у несчастливых людей обыкновенно увеличивается, когда они подробно разбираются в своих чувствах или видят в ком-либо сочувствие.
(Д. Боккаччо)
- ~ Но ведь можно просто сказать, что, например, у меня больная печень.
(И. Поляков)
- ~ Мертвый человек медленно пошел ему навстречу – не торопясь, как на прогулке, чеканя каждый шаг. (П. Афанасьев)
- ~ В это время из пивного бара вышел пьяный человек. (А. Володин)
- ~ Взял он этот полтинник и пошел за Калужскую заставу; смотрит – сидит на валу слепой нищий и просит Христовым именем подаяния.
(А. Н. Афанасьев)
- ~ Хотят, чтобы ты объяснила, зачем привела в дом беспризорных детей.
(Б. Доэрти)
- ~ Беременная женщина не должна переступать беременную кошку, иначе ее ребенок будет капризным и крикливым. (Н. И. Степанова)
- ~ Сумасшедшая поклонница или тайная подружка дочери. (С. Бакшеев)
- ~ Pavelka, poposný, jenž bojoval s Napoleonem, ještě když Napoleon nebyl císařem, ctil starý zvyk, přál mladým lidem. (A. Jirásek)
- ~ Karel nejen, že platil výživné, ale platil jednomu ze dvou levobočků soukromou vysokou školu. (J. Javorská)
- ~ Oni si myslí, že jsem pryč, že sedím zatčený mezi čtyřmi bílými stěnami, a tudíž jsem mimo hru. (C. Carlsson)
- ~ Nemyslím si, že to ode mě bylo sobecké, když jsem chtěla jít na taneční zábavu.
(R. Riordan)
- ~ Když člověk zavolá, slyší se volat, i když třeba tomu volání nevěnuje nikdo jiný pozornost nebo dopadne na hluché uši. (O. Sacks)
- ~ Za procházek měsíční nocí v parku, hrou na honěnou a slепou bábu, která končivala v kupkách sena ... (B. Hrabal)

- ~ *Posunul si malé brýle ke kořenu nosu a vřídne se usmál na kolemjdoucí starou paní, venčící dva kokršpaněly.* (J. Laufer)
- ~ *Nezaměštnávala už tolik místních obyvatel, kolik jich předtím od ní odešlo, a místo toho začala pořádat výběrová řízení.* (J. Deveraux)
- ~ *Cecilie měla chvíli strach, že nastávající maminka spadne z lůžka, tak divoce sebou házela.* (K. Janouchová)

3.2. А6 – ПЕРИФЕРИЯ ПРИЛАГАТЕЛЬНОГО

Настоящий раздел включает все синкретичные явления, совмещающие свойства противопоставленных типичных единиц языка – в большей мере прилагательных и в меньшей мере существительных, поскольку данные явления уже не типичные прилагательные, но они еще не имеют все признаки субстантиватов. Как уточняет В. В. Бабайцева, **периферийные звенья** – это «слова и группы слов, у которых отсутствуют или не ярко выражены какие-либо дифференциальные признаки, характерные для ядра данной части речи. Их отсутствие или ослабление возмещается появлением каких-либо дифференциальных признаков сопоставляемого полярного типа (А или Б)» (Бабайцева 1983). Так, дифференциальные признаки синкретичных явлений в большей или меньшей степени смешанные и данные лексемы:

1) могут обозначать предмет с определенным признаком или только самостоятельный признак предмета,

2) выражают значение в словоизменительных категориях числа и падежа и в несловоизменительной категории рода или имеют те же грамматические категории как опорное существительное,

3) в синтаксисе выполняют функцию согласованного или несогласованного определения, но могут выполнять также роль именной части составного сказуемого.

Вышеуказанную теорию на практике продемонстрируем с помощью нескольких конкретных примеров – предложений, содержащих в большей или меньшей степени субстантивированные имена прилагательные:

- ~ Он и человек разумный, и врач неплохой, мы хотим лечиться у таких, если что. (М. Осипов)
- ~ А человек он молодой, ему нужны деньги. (М. Осипов)
- ~ Он молодой человек превоспитанный, честный, состояние есть, а ты знаешь, как наше расстроено. (М. Ю. Лермонтов)
- ~ Так, например, говорили, что он человек двуличный и служит нашим и вашим. (Р. Киплинг)
- ~ Он человек замечательный, ты ведь знаешь... (В. С. Гроссман)

- ~ *Jsem člověk nemravný a zanedbaný // a lehké holky měl jsem příliš rád.* (F. Gellner)
- ~ *Odejdi ode mne, Pane, vždyť já jsem člověk hříšný.* (E. Vaničková)
- ~ *Knír měl jako obvykle poněkud rozježený, aby dal najevo, že on je muž činu, člověk rozhodný, na něhož se můžete spolehnout.* (J. McDevitt)

Указанные примеры некоторые ученые, как, например, И. В. Высоцкая, воспринимают как периферийное звено, находящееся на шкале переходности ближе всех к прилагательному (**Ааб**), будучи постпозитивным согласованным определением (стоящим в предложении после имени существительного). Однако, из-за наличия опорного существительного *человек* мы зависимые компоненты скорее считаем прилагательными (**А**).

Некоторые примеры невозможно классифицировать однозначно, так как в отсутствии более широкого контекста они могут восприниматься как имя прилагательное и как субстантиват. Поэтому подобные периферийные лексемы входят в раздел **Аб**:

- ~ *Ба! Знакомые все лица!* (А. С. Грибоедов)
- ~ *O něco více zaujatý si ho vzal a prohlížel si ho ve světle.* (M. Rice)

Оба вышеуказанных примера допускают два варианта разбора. Лексемы *знакомые* и *zaujatý* невозможно классифицировать однозначно как прилагательное или как субстантиват, так как они могут восприниматься как именная часть сказуемого (во втором предложении как дополнение), но в зависимости от их контекстуального окружения также как субстантивированное прилагательное, что только в рамках данных предложений трудно определить.

В следующих примерах вследствие добавления прилагательного в состав сказуемого подчеркнуты субстантивные свойства лексем, имеющих форму прилагательного, вследствие чего некоторые лингвисты (в том числе В. В. Бабайцева) считают, что они ближе всех периферийных образований к субстантиватам (АББ). Однако, в синтаксисе они выступают самостоятельно без опорного существительного и способны выполнять функцию подлежащего или дополнения, и по этой причине мы скорее считаем их субстантиватами (АБ):

- ~ *К сожалению, в желании обрести светлое будущее мы часто опять возвращаемся в темное прошлое, которое на деле оказывается светлее того самого светлого будущего.* (А. М. Арканов)
- ~ *Маленькое животное хвост сворачивать, себя защищать.* (Ч. Паланик)
- ~ *Где-то в черноте ночной прихожей звонил телефон.* (Е. Мелемин)
- ~ *Девушка сидела в полупустой приемной и безутешно плакала.* (А. Ломачинский)
- ~ *Советские парикмахерские открылись, народ повалил толпами, неизвестно откуда и взялся.* (В. Я. Шишков)
- ~ *Артур и я можем вместе пользоваться моей маленькой умывальной, а ты и Джек – большой ванной.* (Г. Грин)
- ~ *Обидно, когда российский военнослужащий становится не нужным собственному отечеству...* (С. Алтынов)
- ~ *Да разве это мир? Это не мир, это суцая преисподняя. И эта преисподняя теперь на много лет должна стать его домом.* (А. Смирнов)
- ~ *Rázná sympatická děžurná zkontroluje před nástupem lístky, dá nám tiskopisy migračních karet a pošle nás sednout.* (Т. Koranda)
- ~ *V některých obdobích se prodávalo dost levného skopového, jehož příliš silná pachuť se musela zamaskovat výraznějším kořením, ale bez česneku.* (J. Kadlasová)
- ~ *D'Artagnan se poroučel a opustil salón rozzářen štěstím. Na schodišti se potkal s pěknou komornou.* (А. Dumas)
- ~ *To si vcelku za tak vysoký nájemný zasloužíte! Ale možná, že by výtah měl nechat opravit vlastník domu, ne?!* (S. Vránová Zmudová)
- ~ *Je to domov dávných bohů a démonů, nejstarších nesmrtelných na světě.* (J. Hlaváček, I. Hlaváčková)

- ~ *Krásná neznámá se pak stane jeho ženou.* (B. Němcová)
- ~ *Z toho by jednou také mohla býti pěkná polízaná.* (I. Olbracht)
- ~ *„Tak mám čtyřkilového kapra a osmdesátakilového porybného”, volala na tatínka, nepřestávaje mířit na vystrašeného strážce rybníka kulovnicí.* (P. Kohout)
- ~ *Postarší tělnatá pokojská právě otevírala protější dveře.* (R. Ludlum)

3.3. АБ – СУБСТАНТИВАТЫ

В промежуточное звено (АБ) могут быть включены лексемы, которые по своей форме остались прилагательными, но приобрели некоторые признаки существительных. Для таких промежуточных образований характерно равновесие сочетающихся дифференциальных признаков. У слов данного типа «отсутствует четкая доминантность и противоборствующие тенденции примерно равновелики» (Адмони 1961: 5). Прилагательные, подвергнувшиеся субстантивации, теперь:

- 1) обозначают предмет с определенным признаком, а не только признак,
- 2) имеют самостоятельный род и изменяются по числам и падежам;
- 3) принимают синтаксическую позицию предмета – начинают выполнять функции подлежащего и дополнения.

Примеры субстантивированных прилагательных бесчисленные в обоих исследуемых нами языковых системах:

- ~ *Но просто я в будущем помнил, что прожил некоторые свои годы не так, как я помнил их в настоящем – вот и все.* (И. Чичилин)
- ~ *Ученый и егопомощник стоят перед высокой стеной.* (Л. Казарновский)
- ~ *Кошки эти хорошо знали часы, когда мы направлялись в столовую, и ждали у входа, когда им что-то вынесут.* (Ю. К. Толстой)
- ~ *Мостовые были деревянные, из круглых или обтесанных бревен, уложенных поперек улицы, и было это дело дорогое, тем более что мостовую следовало почти постоянно чинить и подновлять.* (В. Муравьев)
- ~ *Ключи повесь на гвоздик в прихожей! Марина направляется в прихожую.* (Ю. М. Поляков)

- ~ *Военный* посмотрел на *Надю*, на молодого человека с заморенным лицом.
(В. Костиков)
- ~ *Шум в ванной* стих, щелкнул замок двери. (М. Никонов)
- ~ *Ой, я шампанское не люблю!* Мне чего-нибудь покрепче. (Е. Гришковец)
- ~ *Он медленно поднялся и тихо попросил показать, где находится уборная.*
(А. Громов)
- ~ *Оставшиеся в душевой заключенные озадаченно молчали.* (М. Коул)
- ~ *Кроватку мою вместе со мной выдвинули из комнаты в прихожую.* Мне стало очень страшно. (В. С. Шефнер)
- ~ *А нынче я почти каждое утро отправляюсь в кондитерскую, пить кофе с соседками.* (М. Фрай)
- ~ *А ведь раньше в мою парикмахерскую вся знать ходила.* Князья, генералы, графы, пажы. (В. Я. Шишков)
- ~ *Мертвецкая и есть мертвецкая.* Специальное помещение, куда свозят покойников, каких некому хоронить. (Д. Худ)
- ~ *Покойницкая* была обыкновенная небольшая камера. (Л. Н. Толстой)
- ~ *Глухому* стало ясно, что обстоятельства сложились явно не в их пользу, а тут *полицейский* выстрелил еще раз. (Э. Макбейн)
- ~ *Интересно, каким образом глухонемые разговаривают с глухонемыми других национальностей?* (Х. Секула)
- ~ *Эта бумага была найдена в доме обвиняемой!* (К. Тихонова)
- ~ *Потом шли показания других свидетелей: доктора, соседей, подтвердивших факт несчастливого замужества подсудимой, полицейского, нашедшего под кимоно подсудимой спрятанный сосуд.* (Л. Роулэнд)
- ~ *Знакомая в аэропорту ждала мужа. Муж под дверь своей знакомой ждал знакомую, а она ждала другого знакомого, который был у другой знакомой.*
(К. Давидович)
- ~ *Неужели это не сон и у меня в гардеробной сейчас прячется парень?* (П. Кэт)
- ~ *Покойная* до самой кончины имела живой, ясный и веселый ум. (К. Кавелин)
- ~ *Kárpnout božskou se mi nechtělo, a tak v mé hlavě vznikl fantastický příběh, který maminku tak nadchl, že se vypravila do kina s přítelkyní.* (Z. Hamerová)

- ~ *Děvče, které samo s puškou do lesa chodilo na zvěř a samo na čekané vytrvalo do tmavého večera, ona, která v mužských šatech chodila na lov, sama vedla léč, střílela jako chlap...* (V. Mrštík)
- ~ *Holmes si všiml, že Mahmúd několikrát projel na červenou. – Mahmúde, proč jste projel na červenou? – Na červenou se může, – klidně odpověděl Mahmúd. – A na zelenou? – Na zelenou tím spíš, – usmál se.* (V. Pčelovod)
- ~ *Děžurná i cestující ze sousedních oddílů zjišťují, co to bylo.* (T. Koranda)
- ~ *Řada měst vybírala dlažebné (včetně Prahy), někde mostné, někde i mýtné.* (J. Králík)
- ~ *Myslivec rukama se rozháněl na doličenou svého neurovnaného vypravování.* (A. Jirásek)
- ~ *„Už se stalo,“ přikývla babička na dosvědčenou.* (B. Němcová)
- ~ *Taneční nám začínaly od šesti a tou dobou bývalo ještě světlo, a jak jsme šli spolu ulicemi, všichni věděli, že jdeme do tanečních.* (E. Petiška)
- ~ *Cestou si vykládali, co budou v lese dělat. Že si tam budou hrát na schovávanou a na Jeníčka a na Mařenku a chvíli taky na honěnou.* (J. Čapek)
- ~ *Byla to jakási mobilizace bláznovství, masová psychóza, která plnila smutné domy ústavů choromyslných.* (J. Hašek)
- ~ *Vloudila se v noci do ložnice kupcové, vzala jí prsten s hrdla a ráno donesla ho onomu kupci a i to mu svěřila, že má kupcová pod kolenem černou bradavici.* (B. Němcová)
- ~ *Měl jsem strach, ale naštěstí byl pak vyvolán přítel Bedřich, jenž odvedl pozornost profesorovu od zkoušení. Jinak bych byl dostal nedostatečnou...* (J. Žák)
- ~ *Přišla lidožroutka a sladkými slovy lákala labuť na břeh, ale to se jí nepodařilo, a tak šla s nepořízenou domů a milenci pospíchali pryč.* (Bratři Grimmové)
- ~ *Mnozí nevidomí žijí i se svým handicapem plnohodnotný život.* (J. Nesbø)

Итак, с помощью избранного языкового материала мы продемонстрировали несколько стадий перехода прилагательных в разряд существительных и все избранные нами примеры распределили на шкале переходности. Настоящее исследование одновременно подтверждает, что субстантивированные прилагательные часто употребляются в обоих исследуемых нами языках.

На основании всего вышеизложенного материала также можно сделать вывод, что процесс субстантивации имен прилагательных в русской и чешской языковых системах происходит практически таким же образом – прилагательные, обладающие сначала грамматическими категориями, зависящими от опорного существительного, постепенно утрачивают некоторые свои типичные дифференциальные признаки, и, приобретая морфологические и синтаксические признаки имен существительных, они становятся синкретичными образованиями и способны трансформироваться в субстантиват, получивший не зависящие от другой части речи грамматические категории существительного и выполняющий первичные для существительного синтаксические функции подлежащего и дополнения. Значит, в ходе обработки языкового материала не были нами обнаружены никакие различия, касающиеся грамматических категорий субстантивированных прилагательных, их стилистической и синтаксической функций, а также процесса их перехода в разряд существительных.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В настоящей работе, посвященной синкретичным явлениям в морфологии, а именно субстантивации имен прилагательных, мы объяснили термин «синкретизм» в целом, так как взаимодействие и переходность частей речи, в том числе глаголов, наречий, числительных и, главным образом, интересующая нас субстантивация имен прилагательных, является одним из его проявлений в области лингвистики. Следовательно, были нами показаны морфологические и синтаксические особенности субстантивированных прилагательных, в том числе грамматические категории и синтаксические позиции, в которых они в функции существительного выступают, а также принцип возникновения субстантиватов и возможные пути, которыми субстантивированные слова адъективного склонения появляются в русском и чешском языках, а именно эллипсис и возникновение под влиянием аналогии. Не в последнюю очередь, была нами указана стилистическая характеристика субстантиватов и их функционирование в определенных функциональных стилях, а также так называемая шкала переходности, позволяющая показать синкретичные явления, и, следовательно, с помощью конкретных примеров из художественных текстов было нами продемонстрировано функционирование вышеуказанной теории на практике. Синкретичные явления в качестве субстантиватов очень часты в русском и чешском языках, так как практически любое прилагательное может быть подвергнуто субстантивной транспозиции. Настоящее явление, на наш взгляд, очень актуально, учитывая современные тенденции в языке и речи, а именно попытки экономить языковые средства, потому что субстантивация позволяет выразить многообразные оттенки мыслей имеющимися средствами и не требует образования совершенно новых лексем. Данное явление одновременно является кратчайшим способом выражения непредметной семантики, и поэтому оно является очень продуктивным и широко используемым, так как сфера употребления субстантиватов не ограничена каким-либо одним определенным стилем: они являются общими как для устной разговорной, так и для литературно-письменной форм речи.

RESUMÉ

Pro jednotlivé jazyky a lingvistiku obecně je charakteristický vzrůstající počet nových tendencí a jevů. Jedním z nejvýraznějších fenoménů je takzvaný synkretismus, který pozornost odborníků přitahuje již od minulého století, dosud však nebyl dostatečně prozkoumán a popsán, v českém jazyce dokonce téměř vůbec. Jedním z cílů této práce je tedy stručná charakteristika uvedeného jevu a rozšíření teoretické základny současné lingvistiky.

Termín „synkretismus“ však není původně jazykovědný, do lingvistiky byl přejatý až postupem času z jiných oblastí a vědních disciplín. Do ostatních jazyků se dostal prostřednictvím přejímání z řečtiny, která kdysi významným způsobem ovlivnila z námi zkoumaných jazyků zejména ruštinu, a v překladu znamenal „spojení“ či „sloučení“. Dnes se tento termín hojně vyskytuje v odborné terminologii. Jeho význam se však v závislosti na oboru poněkud mění.

V souvislosti s antickým uměním se o synkretismu pojednává například jako o původní nedělitelnosti poezie, hudby a tance. V teologii se pod pojmem synkretismus rozumí směšování prvků (přesvědčení, metod a tradic) různých náboženství v jeden celek. Náboženský synkretismus existuje dodnes a jako příklad může posloužit smíšení antického a orientálního náboženství v období helénismu či například judaismus a křesťanství. V odborné literatuře se s tímto termínem setkáváme zejména v oblasti filosofie ve smyslu míšení myšlenek a názorů, které si mohou vzájemně protiřečit, a v neposlední řadě také filologie, kde původně šlo o fúzi různých druhů kulturní tvořivosti, nerozlišování druhů umění a žánrů poezie.

V naší práci se soustředíme na synkretismus jakožto termín čistě lingvistický, který se dle jazykovědců začal objevovat na počátku minulého století. V oblasti teorie lingvistiky je však velmi zásadní myšlenka směšování syntaktických a gramatických kategorií různých jevů, kterou poprvé na konci 60. let 20. století zformulovala V. V. Babajcevová, o jejíž práci se opíráme. V. V. Babajcevová také zavedla termín „synkretické jevy“ pro označení přechodných jevů mezi gramatickými kategoriemi, tedy jakousi syntézu různých gramatických kategorií za vzniku „hybridního“ útvaru.

Synkretické jevy lze najít prakticky v celém jazykovém systému jak češtiny, tak ruštiny, my se však soustředíme na synkretismus v morfologii těchto jazyků, a sice

přechodnost slovních druhů, která v některých případech znemožňuje přesnou klasifikaci určitých slov a jejich přiřazení ke konkrétnímu slovnímu druhu. Jak totiž píše I. V. Vysockaja, slovní druhy nemají jasně vymezené hranice, tudíž nejsou izolovány a jsou v neustálé vzájemné interakci. V důsledku vzájemné interakce různých slovních druhů dochází k utváření synkretických jevů, které v různých poměrech slučují vlastnosti slov s rozdílnými gramatickými kategoriemi – vznikají tedy slova, která mají některé vlastnosti dvou či více slovních druhů. U takových slov pak dochází ke ztrátě či změně jejich původního lexikálního významu a morfologických znaků a získávání vlastností jiného slovního druhu, což s sebou nese i změnu syntaktické pozice. Hlavní příčiny vzniku synkretických jevů jsou extralingvistické, a sice snaha o úsporu jazykových prostředků.

S ostatními slovními druhy nejčastěji interagují substantiva. Dochází tak například k adverbializaci substantiv, substantivizaci numeralií, vzniku verbíí motivovaných substantivy a naopak (za vzniku přídavných jmen slovesných), substantivizaci participií. V rámci slovních druhů však lze najít i další projevy synkretismu, například jevy na pomezí mezi substantivy a prepozicemi, mezi adjektivy a slovesnými tvary (participii) apod. Avšak jedním z nejčastějších projevů morfologického synkretismu a přechodnosti slovních druhů je substantivizace adjektiv, česky též zpodstatnění přídavných jmen. Tento způsob tvoření pojmenování, při kterém nevznikají zcela nová slova, ale již existující se pouze stávají jiným slovním druhem a získávají nové významy, aniž by se změnila jejich podoba, často bývá výsledkem univerbizace atributivního spojení – podstatného jména jakožto označovaného (předmětu) a přídavného jména ve funkci označujícího (příznaku předmětu). Princip univerbizace je poměrně prostý – z atributivního spojení je vypuštěno podstatné jméno, tedy předmět, který se rozumí sám sebou a pro pochopení významu není nezbytný, zbude pouze přídavné jméno jakožto jeho příznak, které ve své sémantice však zachová význam celého spojení. Výsledný výraz má význam a vlastnosti obou slovních druhů zároveň, zachovává si podobu adjektiva, ztrácí však jeho gramatické kategorie, zaujímá syntaktickou pozici substantiva a plní jeho funkci. Substantivizovaná (zpodstatnělá) adjektiva neboli substantiváty tedy spojují význam a v různé míře i diferenční znaky podstatného a přídavného jména.

Adjektivum nicméně není substantivizované se všemi jeho významy, nýbrž pouze v tom významu, který mělo v atributivním spojení, to znamená, že pro zpodstatnělá adjektiva je charakteristická konkretizace jejich celkového lexikálního významu. Současně

však nabývá i významu podstatného jména, které bylo z atributivního spojení vypuštěno, dochází tedy také k sémantické kompresi, jejíž podstatou je spojení významů dvou různých slovních druhů v jediném slově.

Patrně nejčastější transformací vedoucí ke vzniku substantivátu je elipsa, tedy nevyjádření těch fragmentů ve větě, které jsou naprosto zřejmé z kontextu. Většina substantivizovaných adjektiv tedy vzniká vypuštěním označovaného substantiva, které je i nadále implicitní, ale nevyjádřené. Adjektivum zároveň získá všechny jeho gramatické vlastnosti (rod, číslo, pád a syntaktickou funkci). Tento proces vzniku substantivátů je charakteristický pro oba zkoumané jazyky.

Dalším způsobem vzniku substantivizovaných slov s adjektivním skloňováním v ruském i českém jazyce je analogie. V souvislosti se vznikem substantivátů pod vlivem analogie se někdy hovoří o takzvané falešné substantivizaci. Jde o to, že některá slova, tradičně považovaná za substantiváty, nikdy netvořila atributivní spojení se substantivem, tím pádem neprošla stádiem substantivizace, ale jako substantiva již vznikla. Takové substantiváty tedy vznikají analogicky podle již existujících modelů. Někteří lingvisté zastávají názor, že vznik substantivátů pod vlivem analogie s existujícími slovy, nikoli elipsou, není substantivizací v pravém slova smyslu, nehledě na to, že jejich tvar a gramatické příznaky se s vlastnostmi substantivátů shodují. V takovém případě totiž nejde o morfosyntaktický, ale pouze o morfologický způsob tvoření slov. Nicméně v naší práci substantiváty vzniklé analogicky za falešné nepovažujeme, stejně jako například O. V. Red'kina, která se domnívá, že zařazením takového slova do určitého sémantického modelu, označujícího například budovy či osoby, je do jeho sémantického pole automaticky včleněn význam těchto substantiv.

Podstata substantivizace je neměnná, v některých případech však dochází ke změně gramatických kategorií substantivátů ve srovnání s atributivním spojením, ze kterého vznikly. V češtině například poměrně často dochází ke změně gramatické kategorie čísla, většinou z množného na jednotné. V ruštině se oproti tomu v případě některých substantivátů mění jejich pravopis. Je zajímavé, že zpodstatněním někdy dochází například k záměně zdvojené souhlásky -nn jednoduchou. Přípustná je však pouze varianta pravopisu skupiny souhlásek -nn v adjektivu a -n v substantivátu, nikoli opačně.

K substantivizaci adjektiv jakožto způsobu tvoření pojmenování pro předmět (či budovu, osobu – nositele příznaku obecně) často dochází zejména v rámci konkrétních

sémantických skupin či modelů, vyznačujících se větší či menší mírou ustálenosti, protože existence sémantického modelu je jedním ze základních předpokladů pro substantivizaci adjektiv a slov s adjektivním typem skloňování. V ruštině mezi poměrně početné skupiny patří například označení budov a místností podle jejich účelu či osoby, která je užívá, dále pojmenování různých zobecněných substancí, odborné termíny z oblasti lingvistiky a jiných vědních disciplín a podobně. V češtině se setkáváme například se skupinou, označující osoby v závislosti na jejich charakteru, funkci či profesi, která je jednou z vůbec nejpočetnějších a mimořádně produktivních, dále jde o různé hotovostní platby, odborné termíny, jako například klasifikační kategorie z oblasti biologie, vzdělávací zařízení či instituty, lexémy označující stupnici hodnocení studijních výsledků – známky, názvy jídel a nápojů, sportovní hry a další. V každodenní neformální a hovorové mluvě se často vyskytují substantivizované názvy ulic, vzniklé elipsou substantiva „ulice”. Abstraktní substantiváty se v češtině vyskytují v některých ustálených slovních spojeních, které nemají odpovídající ekvivalent v ruštině. Nepříliš početná je skupina, která zahrnuje označení pro náboženské a mýtické bytosti. Obecně se mnohé sémantické modely v obou jazycích shodují, zejména označení osob (tvořící téměř polovinu všech substantivátů), jídel apod.

Jak výzkum ukázal, substantivizace je jedním z nejčastějších způsobů tvoření slov v jazykovém systému současné ruštiny. V češtině se se substantivizací adjektiv setkáváme ve srovnání s jinými jazyky, zejména západoevropskými (němčinou a angličtinou), o něco méně, avšak ani zde tato transformace rozhodně není zanedbatelná. Tento jazykový jev je mimořádně produktivní, jelikož přechodnost slovních druhů je na rozdíl od tvoření slov pomocí sufixů nejjednodušším způsobem vyjádření nepředmětné sémantiky. Interakce substantiv s adjektivy je navíc zcela přirozená, jelikož sémantika i gramatika adjektiv na substantivech závisí. O snadnosti transformace adjektiv na substantiva svědčí i názory mnohých odborníků, podle kterých se v určitých kontextuálních podmínkách může substantivizovat prakticky jakékoli adjektivum, v souvislosti s čímž je třeba zdůraznit význam kontextu. Smysl substantivizovaných adjektiv totiž není odvozen přímo z lexikálního významu samotného adjektiva, nýbrž vyplývá z kontextu, do kterého je zasazeno – je proto vhodné nazývat jej motivujícím. Motivující kontext chápeme jako fragment textu, v jehož rámci substantivizovaná forma funguje jako samostatné slovo – fragment textu, který vytváří podmínky pro adekvátní užití a správné pochopení substantivátu. Na základě motivujícího kontextu lze také substantiváty rozpoznat. To však

neznamená, že jde o nutnou podmínku substantivizace. Ve zpracovávaných materiálech jsme se setkali i se substantiváty, které na kontextu, ve kterém jsou použity, prakticky nezávisí. Substantivizovaná adjektiva s nízkou mírou závislosti na kontextu jsou taková, která se často používají a jsou již svým způsobem ustálená – pro to, abychom je klasifikovali a chápali jako substantiva, širší kontext již není třeba znát. Těch je však menšina.

Nedílnou součástí charakteristiky substantivizovaných adjektiv je vedle jejich lexikálního významu také jejich expresivita a funkční vlastnosti. Výběr konkrétních jazykových prostředků závisí na charakteru a cíli komunikace, důležité jsou také podmínky, v jakých probíhá. Mezi substantiváty existují jednotky, patřící ke konkrétnímu funkčnímu stylu, stejně jako stylisticky neutrální lexikální jednotky, jako je například označení osoby podle profese či názvy jazyků. Existence neutrálních lexému svědčí o faktu, že jak v češtině, tak v ruštině jsou substantiváty již neodmyslitelné a naprosto běžně používané.

Jak jsme již naznačili, existují také substantiváty, charakteristické pro konkrétní funkční styl. Použití takových lexémů závisí na kontextu a tematickém obsahu textu. V odborném stylu se například setkáváme se substantiváty bez jakékoli expresivity a projevu individuální subjektivity. Jádrem odborného textu jsou termíny – názvy předmětů, jevů, vlastností apod. Mezi nejčastější lexikálně-sémantické skupiny slov, které jsou nedílnou součástí odborného stylu, patří termíny z oblasti filozofie a psychologie, matematiky, lingvistiky, medicíny, biologie, práva apod., což se v obou zkoumaných jazycích shoduje.

Výskyt substantivátů není výjimkou ani v publicistickém stylu, který nejpružněji reaguje na jakékoli změny v jazyce. Tento styl plní dvě základní funkce: funkci sdělovací, pro jejíž realizaci se používá neutrální slovní zásoba bez expresivity a subjektivního hodnocení, a funkci emocionálního působení na čtenáře, které lze docílit například hrou se slovy, substantiváty nevyjímaje. Jejich zastoupení je v publicistickém stylu obzvlášť početné, a to včetně substantivátů s hovorovou konotací, které sdělované informaci přidávají na ironičnosti. Jedním z nejběžnějších žánrů publicistického stylu je reklamní text, který se snaží upoutat pozornost a získat potenciálního zákazníka, čemuž napomáhá snaha být originální, překvapivý a neotřelý. Většina takových substantivátů vzniká elipsou, což je v publicistickém stylu vzhledem k nutnosti předat sdělení co nejstručněji a

nejrychleji naprosto přirozené. Je tedy zřejmé, že v publicistickém stylu jsou substantivizovaná adjektiva neodmyslitelná, pomáhají vyjádřit subjektivní emocionální hodnocení a vytvářet nové kontexty.

Substantiváty se objevují také v administrativním stylu, ve srovnání s ostatními funkčními styly však podstatně méně. Tento styl zahrnuje celou řadu žánrů – zákony, předpisy, objednávky, smlouvy, stížnosti, prohlášení, stejně jako například statistické zprávy, ankety a mnoho dalších. Texty administrativního stylu mají normativní funkci, nepřipouštějí tudíž nejednoznačnost obsahu. Pro slovní zásobu tohoto stylu jsou typické ustálené obraty a slovní spojení, klišé a specifické výrazy, takzvané kancelarismy, a ačkoli ne v příliš hojné míře, mimo jiné také substantiváty, které jsou však vzhledem k účelu a sféře působení tematicky omezené. Nejčastěji se používají pro označení profese či funkce zainteresované osoby.

Neméně podstatné jsou substantiváty řadící se k hovorovému stylu, protože běžná hovorová mluva pomáhá rozvíjet spisovný jazyk, navíc je zdrojem substantivátů, jelikož v souladu se zákonem úspory výrazových prostředků v procesu spontánní komunikace se zde formují přechodné lexémy. Takové substantiváty pojmenovávají aktuální dění a předměty, reagují na aktuální společenskou situaci. Hovorová slova se využívají ve stylistice a uměleckých textech s cílem vyjádřit expresivitu a emoce.

Mimořádně početný výskyt substantivátů jsme zaznamenali ve stylu uměleckém, použitá slovní zásoba není omezena stylisticky ani tematicky, přípustné jsou i hovorové výrazy. Jednoduše řečeno, umělecký styl spojuje výrazové prostředky všech ostatních stylů – termíny, kancelarismy, hovorové výrazy, dialektismy, žargonismy apod. Hlavním úkolem všech použitých lexémů je dosažení takzvané estetické funkce, tedy požadovaného působení na čtenáře. Jazyk umělecké literatury je expresivní, individualizovaný a kreativní, klade si za cíl vyvolat emoce a pocity. Substantiváty zde plní několik funkcí. Neutrální lexémy označují konkrétní realie a pomáhají tak vytvořit smyšlené prostředí literárního díla. Abstraktní substantiváty mají za úkol vyvolávat dojem něčeho neočekávaného, neuchopitelného. Takové substantiváty jsou charakteristické zejména pro poezii. Vyskytují se zde také příležitostné substantiváty, takzvané okazionalismy, které jsou citově zabarveny a velmi expresivní, což napomáhá vyjádření autorova postoje a vyvolávání emocí. Pomocí substantivátů s hovorovou konotací autor pomáhá čtenáři vytvořit si realistickou představu o postavách, které v díle figurují. Je tedy zřejmé, že

v textech umělecké literatury se substantiváty vyskytují bezkonkurenčně nejčastěji. Na základě tohoto zjištění jsme také vybírali texty, se kterými jsme dále pracovali v poslední části naší práce, věnované analýze přechodných jevů mezi podstatnými a přídavnými jmény v ruském a českém jazyce.

Přesná klasifikace substantivátů a přiřazení ke konkrétnímu slovnímu druhu však navzdory všemu výše popsanému není možná vždy, a to ani když známe jejich sémantickou pozici a širší kontext. Vzájemnou interakci různých jazykových jevů včetně zkoumaných substantivátů lze znázornit na takzvané škále přechodnosti, kterou zavedla V. V. Babajcevová. Tato teorie umožňuje znázornit synkretické jevy, spojující znaky dvou a více slovních druhů, mezi protichůdnými jevy, které mají všechny typické diferenční znaky a jejich klasifikace je tak jednoznačná. Její podoba je následující:

$$\mathbf{A} \text{ — } (\mathbf{Aab}) \text{ — } \mathbf{Ab} \text{ — } (\mathbf{Abb}) \text{ — } \mathbf{AB} \text{ — } (\mathbf{aaB}) \text{ — } \mathbf{aB} \text{ — } \mathbf{B}.$$

Na škále přechodnosti jsou pomocí písmen znázorněny typické jazykové jevy (**A** a **B**), mezi kterými se nacházejí synkretické jevy, které v různé míře spojují vlastnosti obou z nich. Zónu synkretismu tvoří jednotky **Ab**, **AB** a **aB**, mezi kterými dále rozlišujeme takzvané periferní (**Ab** a **aB**) a přechodné (**AB**) jevy, spojující diferenční znaky typických slovních druhů, které jsou ve vzájemné interakci. Škála přechodnosti tedy určuje míru substantivizace.

O tuto teorii se dále opíráme v poslední části této práce, kde zkoumáme výskyt substantivátů v umělecké literatuře v ruském a českém jazyce a nalezené příklady dále analyzujeme. Na základě jejich diferenčních znaků a kontextu, ve kterém jsou použity, zjišťujeme, zda si v daném případě zachovávají vlastnosti adjektiva, nebo už naopak vystupují ve funkci substantiva, a pomocí škály přechodnosti znázorňujeme míru jejich substantivizace. Poté také porovnáваме proces substantivizace mezi oběma jazyky.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

На русском языке:

1. АДМОНИ, В. Г. О многоаспектном доминантном подходе к грамматическому строю. – ВЯ, 1961, No 2, С. 5.
2. АХМАНОВА, О. С. Словарь лингвистических терминов / О. С. Ахманова. – М., 1966. – С. 406.
3. АХМАНОВА, О. С. Словарь лингвистических терминов / О. С. Ахманова. – 2-е изд., стер. – М: УРСС: Едиториал УРСС, 2004. – 571 с.
4. БАБАЙЦЕВА, В. В. Гибридные слова в системе частей речи современного русского языка // Русский язык в школе, 1971 – № 3.
5. БАБАЙЦЕВА, В. В. Зона синкретизма в системе частей речи современного русского языка // НДВШ ФН, 1983. № 5.
6. БАБАЙЦЕВА, В. В. Система членов предложения в современном русском языке. – М., 1988. – С. 58.
7. БАБАЙЦЕВА, В. В. Явления переходности в грамматике русского языка: Моногр. / В. В. Бабайцева. – М.: Дрофа, 2000. – 640 с.
8. БАРДИНА, Т. К. Проблема лексико-грамматической переходности частей речи в современном русском языке: диссерт. на соискание уч. ст. кандидата фил. Наук: специальность 10.02.01 Русский язык / Т. К. Бардина; Волгоградский государственный педагогический университет. Волгоград 2003. – 193 с.
9. БАРЗИЛОВИЧ, А. М. Субстантивация прилагательных в русском и украинском языках / Филологический сборник (Киевский национальный университет имени Тараса Шевченко). 1954. – № 13. С. 263–274.
10. БАРЗИЛОВИЧ, А. М. Типы субстантивированных прилагательных в русском языке / Вестник Киевского ун-та. Киев, 1962. – №5. – С. 62–67.
11. БАУДЕР, А. Я. К лингвистической интерпретации явлений переходности в грамматическом строе русского языка // Филологические науки. 1980. – №5. – С. 80.
12. БЕРЕСНЕВА, В. А. Теоретические аспекты лингвистического синкретизма как категории общего языкознания: диссерт. на соискание уч. ст. доктора фил. наук: специальность 10.02.19 Теория языка / В. А. Береснева; Вятский государственный гуманитарный университет. Киров 2012. – С. 20.

13. БРОЙТМАН, С. Н. Историческая поэтика: Учеб. пособие. – М.: РГГУ, 2001. – С. 19.
14. ВАЛГИНА, Н. С. Активные процессы в современном русском языке: учеб. пособие для студентов вузов, обучающихся по филол. направлениям и спец. / Н. С. Валгина. – М.: Логос, 2003. – 303 с.
15. ВИНОГРАДОВ, В. В. Итоги обсуждения вопросов стилистики // Вопросы языкознания, 1955, № 1. – С. 73–80.
16. ВИНОГРАДОВ, В. В. Стилистика. Теория поэтической речи. Поэтика. – М.: АН СССР, 1963. – 255 с.
17. ВИНОГРАДОВА, В. Н. Стилистика русского языка. Жанрово-коммуникативный аспект стилистики текста / В.Н. Виногорова, Т.Г. Винокур, Л.И. Еремина и др. – М.: Наука, 1987.
18. ВЫСОЦКАЯ, И. В. Синкретизм в системе частей речи современного русского языка: Монография. / И. В. Высоцкая. – М.: МПГУ, 2006. – 304 с.
19. ВЫСОЦКАЯ, И. В. Субстантивация в свете теории синхронной переходности: монография / И. В. Высоцкая. – Новосибирск: НГПУ, 2009. – 192 с.
20. Грамматика русского языка. Том 1. Фонетика, морфология / Виноградов В. В., Истрин Е. С., Бархударов С. Г. (ред.). – М.: Изд. Академии наук СССР, 1960.
21. ЕЛЬМСЛЕВ, Л. Прологомены к теории языка. Пер. с английского Ю. К. Лекомцева / Л. Ельмслев // Новое в лингвистике. – В. 1. М.: Издательство иностранной литературы, 1960. – 464 с.
22. ЕФИМОВ, А. И. Стилистика русского языка. – М.: Просвещение, 1969. – 262 с.
23. ЗАЛИЗНЯК, А. А. Грамматический словарь русского языка: словоизменение: около 110 000 слов / А. А. Зализняк. – Изд. 6-е, стер. – М.: АСТ-ПРЕСС, 2009. – 795 с.
24. ЗУБОВА, Л. В. Поэзия Марины Цветаевой: Лингвистический аспект. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1989. – С. 251.
25. ИНФАНТОВА, Г. Г. Синкретизм в синтаксисе русской разговорной речи (на материале экономии сегментных средств) // Явления синкретизма в синтаксисе русского языка. – Р/н/Д, 1992. – С. 113.

26. Исследования по русской терминологии: сб. статей / ред. В. П. Даниленко. – М.: Наука, 1971. – 232 с.
27. КАЙДА, Л. Г. Эффективность публицистического текста / Л.Г. Кайда; под ред. Я.Н. Засурского. М.: Изд-во Моск. гос. ун-та, 1989. – 182 с.
28. КАРАУЛОВ, Ю. Н. (ред.), Русский язык: Энциклопедия, Научное издательство «БСЭ», Москва 2003, 704 с.
29. КОЖИНА, М. Н. Стилистика русского языка. – М.: Просвещение, 1993. – С. 48–52
30. КОЛЕСНИКОВА, Т. В. О понятии синкретизма в языкознании. [Электронный ресурс] // Университетские чтения / Пятигорский гос. лингвист. ун-т. – Пятигорск, 2008. URL: http://www.pglu.ru/lib/publications/University_Reading/2008/IV/uch_2008_IV_000-25.pdf
31. КОСТОМАРОВ, В. Г. Стилистика. Компендиум лекций, прочитанных в 2003/2004 учебном году бакалаврам Государственного института русского языка им. А.С. Пушкина. – М., 2004. – 256 с.
32. КРАВЧЕНКО, А. В. Знак, значение, знание. Очерк когнитивной философии языка. – Иркутск, 2001. – 261 с.
33. ЛАРИН, Б. А. История русского языка и общее языкознание / Б. А. Ларин. – М.: Просвещение, 1977. – 224 с.
34. ЛЕКАНТ, П. А., ГОЛЬЦОВА, Н. Г., ЖУКОВ, П. В. и др. Современный русский литературный язык / П. А. Лекант, Н. Г. Гольцова, П. В. Жуков и др. – М.: Высшая школа, 1988. – 416 с.
35. Лингвистический энциклопедический словарь / Гл. ред. В. Н. Ярцева. – М.: Сов. энциклопедия, 1990. – С. 446.
36. МЕЛЬЧУК, И. А. Русский язык в модели «Смысл ⇔ Текст». Москва-Вена, 1995. – С. 464–465.
37. ПЕШКОВСКИЙ, А. М. Русский синтаксис в научном освещении. М., 1956. – С. 134–136.
38. ПИМЕНОВА, М. В. Лексико-семантический синкретизм как проявление формально-содержательной языковой асимметрии // Вопросы языкознания. № 3. – 2011. – С. 19–48.

39. ПИМЕНОВА, М. В. О лексико-семантическом синкретизме / L. Vobořil (ed.) *Rossica Olomucensia* LIII. Синкретизм и полифункциональность в языке. [Монография]. Olomouc: Univerzita Palackého v Olomouci, 2014. – 98 с.
40. РЕДЬКИНА, О. В. Субстантивация как семантическое явление: Языковой и функциональный аспекты: диссертация кандидата филологических наук: 10.02.01. – Киров, 2003. – 207 с.
41. РЕЗУНОВА, М. В. Переходность и синкретизм причастий в лексикографическом и художественном дискурсе в русском, английском и немецком языкам. АКД. – Орел, 2004. – С. 10.
42. РГ-80: Русская грамматика I. / Под ред. Н. Ю. Шведовой. М.: Издательство «Наука», 1980. – 783 с.
43. РГ-80: Русская грамматика II. / Под ред. Н. Ю. Шведовой. М.: Издательство «Наука», 1980. – 783 с.
44. РГ-90: Русская грамматика / под ред. Н. Ю. Шведовой и В. В. Лопатина. – 2-е изд., исправл. – М.: Рус. яз., 1990. – 639 с.
45. РОЗЕНТАЛЬ, Д. Э., ТЕЛЕНКОВА, М. А. Словарь-справочник лингвистических терминов / Д. Э. Розенталь, М. А. Теленкова. – М.: Просвещение, 1976. – 544 с.
46. СИДОРЕНКО, Е. Н. Очерки по теории местоимений современного русского языка. – Киев-Одесса: Лыбидь, 1990. – С. 102.
47. Современный русский язык: учебник для вузов / Н. С. Валгина [и др.]; под ред. Н. С. Валгиной. – 6-е изд., перераб. и доп. – М.: Логос, 2003. – 527 с.
48. СОЛГАНИК, Г. Я. Стилистика текста. – М.: Флинта, Наука, 2006. – 256 с.
49. ТЕНЬЕР, Л. Основы структурного синтаксиса. – М., 1988. – С. 433–434.
50. ТЕСТЕЛЕЦ, Я. Г. Эллипсис в русском языке: теоретический и описательный подходы // Конференция «Типология морфосинтаксических параметров»: доклад. – М.: МГГУ, 2011.
51. Толковый словарь русского языка: В 4 т / Под ред. Д. Н. Ушакова. – М.: Сов. энцикл.: ОГИЗ, 1935–1940.
52. ФЫСИНА, У. Н. Субстантиваты в русском языке: стилистический и семантический аспекты: диссертация кандидата филологических наук: 10.02.01. – Москва, 2007. – 196 с.

53. ШТАЙН, К. Э. Переходность и синкретизм в свете деятельностной концепции языка / К. Э. Штайн // Языковая деятельность: переходность и синкретизм. – М. – Ставрополь, 2001. – С. 19.
54. ЩЕРБА, Л. В. О частях речи в русском языке [Текст] / Л. В. Щерба // Щерба Л. В. Избранные работы по русскому языку. – М.: Государственное учебно-педагогическое издательство Министерства Просвещения РСФСР 1957. – 188 с.
55. ЩЕРБА, Л. В. Современный русский литературный язык Текст. / Л. В. Щерба // Избранные работы по русскому языку. М.: Аспект Пресс, 2007. – С. 70.
56. Философский энциклопедический словарь / ред.-сост. Е.Ф. Губский и др. – М.: ИНФРА-М, 2009. – 569 с.
57. ЯЦКЕВИЧ, А. Г. О субстантивной транспозиции русских прилагательных в речи. Научные доклады высшей школы // Филологические науки. – М.: Высшая школа, 1977. № 4. – С. 101–106.
58. ЯЦКЕВИЧ, Л. Г. Категориальные значения частей речи. Функционально-типологическое исследование. – Вологда: ВГПУ изд-во «Русь», 2004. – 158 с.

На чешском языке:

59. BARNETOVÁ, V., BĚLIČOVÁ-KŘÍŽKOVÁ, H., LEŠKA, O., SKOUMALOVÁ, Z., STRAKOVÁ, V. Русская грамматика 1. – Praha: Academia, 1979.
60. BAUER, J., MRÁZEK, R., ŽAŽA, S. Příruční mluvnice ruštiny pro Čechy II / J. Bauer, R. Mrázek, S. Žaža. – Praha: SPN, 1996. – 483 s.
61. GREPL, M., KARLÍK, P. Skladba češtiny / M. Grepl, P. Karlík. – Olomouc: Votobia, 1988. – 503 s.
62. HAVRÁNEK, B. a kol. Příruční mluvnice ruštiny pro Čechy I. / B. Havránek a kol. – Praha: SPN, 1961. – 529 s.
63. KARLÍK, P., NEKULA, M., RUSÍNOVÁ, Z., a GREPL, M. Příruční mluvnice češtiny. Vyd. 2., opr. [i.e. 4. vyd.]. Praha: NLN, Nakladatelství Lidové noviny, 2012 – 799 s.
64. ŠTÍCHA, F. Akademická gramatika spisovné češtiny. Praha: Academia, 2013 – 974 s.
65. VOBOŘIL, L. Синкретизм и полифункциональность в языке // Vobořil L. a kol.: Синкретизм и полифункциональность в языке. Olomouc: Univerzita Palackého v Olomouci, 2014. – 235 s.

66. VOBOŘIL, L., SLOVÁK, V. a kol.: Теоретические и прикладные аспекты лингвистической синкретологии. Olomouc, 2015. – 236 s.
67. VYCHODILOVÁ, Z.: Výrazová úspornost v syntaxi současné ruštiny. Olomouc: Univerzita Palackého v Olomouci, Filozofická fakulta, 2011. 178 s.
68. Переход прилагательных в им сущ., <http://sci.house/ruskiy-yazyik/perehod-prilagatelnyih-susch-98356.html>

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ ЯЗЫКОВОГО МАТЕРИАЛА

(Русскоязычная литература доступна на lib.ru, отрывки на books.google.ru)

1. АВДЕЕВ, М. В.: *Полное собрание сочинений*
2. АЛТЫНОВ, С.: *Армейская заповедь*
3. АРКАНОВ, А. М.: *Вперёд в прошлое*
4. АРСАНЬЕВ, А.: *Второе дело Корозиных*
5. АФАНАСЬЕВ, А. Н.: *Народные русские сказки*
6. АФАНАСЬЕВ, Р.: *Принцесса и чудовище*
7. АХМАТОВА, А. А.: *Хочешь знать, как всё это было*
8. БАКШЕЕВ, С.: *Композитор*
9. БЕЛЫЙ, А.: *Петербург*
10. БЛОК, А. А.: *Небесное умом не измеримо*
11. БОККАЧЧО, Д.: *Фьямметта*
12. БРАТЯ ГРИММ: *Пестрая Шкурка*
13. БРЮСОВ, В. Я.: *Детские упования*
14. ВЕРБЕР, Б.: *День муравья*
15. ВОЛОДИН, А.: *С любимыми не расставайтесь!*
16. ГОГОЛЬ, Н. В.: *Мертвые души*
17. ГРИБОЕДОВ, А. С.: *Горе от ума*
18. ГРИН, Г.: *Дитя ангела*
19. ГРИШКОВЕЦ, Е.: *Избранные записи*
20. ГРОМОВ, А.: *Перманентное состояние*
21. ГРОССМАН, В. С.: *Старый учитель*
22. ДЕМЕНТЬЕВ, А. Д.: *Не ссорьтесь, влюбленные...*
23. ДОЭРТИ, Б.: *Дети улиц*
24. ЕСЕНИН, С. А.: *Несказанное, синее, нежное...*
25. ЕСЕНИН, С. А.: *Я снова здесь, в семье родной...*
26. ЖУКОВСКИЙ, В. А.: *Суд божий над епископом*
27. КАВЕЛИН, К.: *Авдотья Петровна Елагина*
28. КАЗАКОВ, А.: *Эрос и Танатос. 20 историй о переплетениях любви и смерти*
29. КАЗАРНОВСКИЙ, Л.: *Путешествие на карусели по невидимой стороне земли*
30. КИПЛИНГ, Р.: *Саис мисс Югхель*

31. КОЛЫЧЕВ, В.: *Шумный балаган*
32. КОСТИКОВ, В.: *Диссонанс Сирина*
33. КОУЛ, М.: *Прыжок*
34. КУЗНЕЦОВ, С. Ю.: *Хоровод воды*
35. КУТАЛОВ, К.: *Черемуховые холода*
36. КЭТ, М.: *Ожерелье для возлюбленной*
37. КЭТ, П.: *Воспоминания о будущем*
38. ЛЕЛЬЧУК, А.: *Истории без географии*
39. ЛЕРМОНТОВ, М. Ю.: *Станный человек*
40. ЛОМАЧИНСКИЙ, А.: *ДНК Негодной Крови*
41. МАКБЕЙН, Э.: *Хохмач*
42. МАЯКОВСКИЙ, В.: *Мой университет*
43. МАЯКОВСКИЙ, В.: *Невозможно*
44. МАЯКОВСКИЙ, В.: *Про это*
45. МАЯКОВСКИЙ, В.: *С неба на землю*
46. МАЯКОВСКИЙ, В.: *Умер Александр Блок*
47. МЕЛЕМИН, Е.: *Осколки под стеклом*
48. МЕРЕЖКОВСКИЙ, Д. С.: *Дети ночи*
49. МОРУА, А.: *Земля обетованная*
50. МУРАВЬЕВ, В.: *Московские улицы*
51. МУХИН, Ю. И.: *К барьеру! Беседы с Юрием Мухиным*
52. НАБОКОВ, В.: *Полное собрание рассказов*
53. НЕКРАСОВ, А. С.: *Приключения капитана Врунгеля*
54. НИКОНОВ, М.: *Три дня в Канкуне*
55. ОСИПОВ, М.: *Человек эпохи Возрождения*
56. ПАЛАНИК, Ч.: *Пигмей*
57. ПОЛЯКОВ, И.: *Доктор Ахтин*
58. ПОЛЯКОВ, Ю. М.: *Одноклассники*
59. ПРАВДИНА, Н.: *Большая книга привлечения денег*
60. ПРОШКИН, Е. А.: *Зима 001*
61. ПУШКИН, А. С.: *Капитанская дочка*
62. ПУШКИН, А. С.: *Пиковая дама*
63. РОУЛЭНД, Л.: *Татуировка наложницы*
64. САЛТЫКОВ-ЩЕДРИН, М. Е.: *Богатырь*

65. СЕВЕРЮХИН, О.: *Русий Велибог*
66. СЕКУЛА, Х.: *Барракуда*
67. СЕРОВА, М.: *Бог велел делиться*
68. СМИРНОВ, А.: *Раб и Царь*
69. СОБОЛЕВА, Л. П.: *Магия убийства*
70. СТАНИСЛАВСКИЙ, К. С.: *Искусство переживания*
71. СТЕПАНОВА, Н. И.: *Книга женской силы*
72. СТЕПАНОВСКАЯ, И.: *Круговая подтяжка*
73. ТИХОНОВА, К.: *Прогулки с Хальсом*
74. ТОЛСТОЙ, Л. Н.: *Воскресение*
75. ТОЛСТОЙ, Ю. К.: *Из пережитого*
76. ТУРГЕНЕВ, И. С.: *Накануне*
77. ТУРГЕНЕВ, И. С.: *Отцы и дети*
78. УСПЕНСКИЙ, В. Д.: *Тайный советник вождя*
79. ФИЛАТОВ, Л.: *Три рассказа без названия*
80. ФОЛЬДЕКС, Н.: *Гроб с бархатом и фиалками*
81. ФРАЙ, М.: *Энциклопедия мифов*
82. ХУД, Д.: *Наследник волшебника*
83. ЦВЕТАЕВА, М.: *Поэма конца*
84. ЧЕХОВ, А. П.: *Архиерей*
85. ЧЕХОВ, А. П.: *Моя жизнь*
86. ЧЕХОВ, А. П.: *Повести и рассказы*
87. ЧЕХОВ, А. П.: *Толстый и Тонкий*
88. ЧИЧИЛИН, И.: *Орган времени*
89. ШЕФНЕР, В. С.: *Имя для птицы, или Чаепитие на желтой веранде*
90. ШИШКОВ, В. Я.: *В парикмахерской*
91. ШУКШИН, В.: *Дебил*
92. ЩЕГОЛЕВ, П. Е.: *Падение царского режима*

(Чешскоязычная литература доступна на pdfknihy.maxzone.eu, отрывки на books.google.cz)

93. BATHYANY, S.: *A co to má co dělat se mnou?*
94. BELITZ, B.: *Rozdělená srdce*
95. BOYDOVÁ, H.: *Čtvrťky v parku*

96. BRATŘI GRIMMOVÉ: *Pohádka O kouzelné fazoli*
97. BURIANOVÁ, M.: *Móda v ulicích protektorátu*
98. CARLSSON, C.: *Jednooký králik*
99. COHEN, L.: *Kniha toužení*
100. ČAPEK, J.: *Povídání o pejskovi a kočičce*
101. ČAPEK, J.: *Stín kapradiny*
102. ČAPEK, K.: *Krakatit*
103. ČECH, S.: *Pravý výlet pana Broučka do měsíce*
104. ČÍŽEK, R.: *Investujte s českými experty*
105. DEVERAUX, J.: *Casa Grande*
106. DIAMOND, L.: *Tři dámy na zhubnutí*
107. DUMAS, A.: *Tři mušketýři 2*
108. FUKS, L.: *Spalovač mrtvol*
109. FULGHUM, R.: *Něco z Fulghuma II*
110. GELLNER, F.: *Radosti života*
111. GOSCINNY, R.: *Mikulášovy patálie*
112. HAMEROVÁ, Z.: *Vím, co jsi udělal*
113. HARTMAN, R.: *Serafína: Příběh draků*
114. HAŠEK, J.: *Dobrý voják Švejk v zajetí*
115. HLAVÁČEK, J., HLAVÁČKOVÁ, I.: *Diamantová cesta*
116. HRABAL, B.: *Obsluhoval jsem anglického krále*
117. HUGO, V.: *Bídníci*
118. HUGO, V.: *Chám matky boží v Paříži*
119. JANOUCHOVÁ, K.: *Sesterstvo*
120. JAVORSKÁ, J.: *Slepá závist*
121. JIRÁSEK, A.: *U nás*
122. KABÁTOVÁ, V.: *Když přijde láska*
123. KADLASOVÁ, J.: *Cukr na nitku*
124. KHOURY, R.: *Ďáblův elixír*
125. KOHOUT, J.: *Jak pomoci od nemoci*
126. KOHOUT, P.: *Kat*
127. KOHOUT, P.: *Povídky*
128. KORANDA, T.: *Operace Sibirjak aneb Vandrem na Sibíři*
129. KRÁLÍK, J.: *Jawa, můj osud*

130. LAUFER, J.: *Roura od kamen a jiné povídky*
131. LUDLUM, R.: *Matareseův kruh*
132. MCDEVITT, J.: *Ďáblovo oko*
133. MRŠTÍK, V.: *Pohádka máje*
134. NĚMCOVÁ, B.: *Babička*
135. NĚMCOVÁ, B.: *Nejkrásnější pohádky*
136. NĚMCOVÁ, B.: *Slovenské pohádky a pověsti I.*
137. NESBØ, J.: *Červenka*
138. NESBØ, J.: *Syn*
139. OBERMANNOVÁ, I.: *Deník šílené manželky*
140. OLBRACHT, I.: *Nikola Šuhaj loupežník*
141. PARKS, A.: *Život té druhé*
142. PČELOVOD, V.: *Poslední gambit*
143. PETIŠKA, E.: *Hotel pro cizince*
144. PETIŠKA, E.: *Soudce Knorr*
145. PLUM, A.: *Die for her*
146. POSPÍŠILOVÁ, Z.: *Jak se stal kozel zahradníkem*
147. RICE, M.: *Otrokyně, Bojovnice, Královna*
148. RICE, M.: *Předurčená*
149. RIORDAN, R.: *Kronika Cartera Kanea*
150. ŘÍHA, B.: *Zvířátka a Petrovští*
151. SACKS, O.: *Na čem si stojím...*
152. SERRANOVÁ, M.: *Deset žen*
153. SLAUGHTER, K.: *Triptych*
154. SOFOKLÉS: *Král Oidipús*
155. VANÍČKOVÁ, E.: *Glosy*
156. VRÁNOVÁ ZMUDOVÁ, S.: *Šílenství pana Procházky*
157. ŽÁK, J.: *Cesta do hlubin šudákovy duše*

ANOTACE

Jméno a příjmení autora: Bc. Gabriela Lenertová

Název fakulty: Filozofická fakulta Univerzity Palackého v Olomouci

Název katedry: Katedra slavistiky

Název diplomové práce: Synkretické jevy v oblasti slovních druhů (v ruštině ve srovnání s češtinou): Substantivizace adjektiv

Vedoucí diplomové práce: Mgr. Václav Slovák

Počet stran: 72 **Počet znaků:** 132 456

Počet titulů použité literatury: 66

Klíčová slova: synkretizmus, slovní druhy, adjektiva, substantiva, škála přechodnosti

Charakteristika diplomové práce:

Diplomová práce zkoumá projevy synkretismu a přechodnosti v oblasti slovních druhů v ruštině ve srovnání s češtinou, konkrétně adjektiv a substantiv. Cílem práce je definovat pojem synkretismus v lingvistice a podstatu přechodnosti slovních druhů, dále definovat adjektiva a substantiva a určit diferenční morfologické a syntaktické znaky, které je odlišují. Na základě těchto znaků jsme sestavili škálu přechodnosti mezi adjektivy a substantivy, pomocí níž jsme znázornili synkretické jevy.

ANNOTATION

Name and surname: Bc. Gabriela Lenertová

Faculty: The Faculty of Philosophy of Palacký University in Olomouc

Title of thesis: Syncretic phenomena within parts of speech (in russian compared with czech): Nominalization of adjectives

Supervisor: Mgr. Václav Slovák

Number of pages: 72 **Number of characters:** 132 456

Number of bibliographic resources: 66

Key words: syncretism, parts of speech, adjectives, nouns, range of transitivity

Characteristics of thesis:

This thesis is focused on syncretic phenomena in the system of parts of speech in Russian language in comparison with Czech language, especially on adjectives and nouns. The aim is to define the term syncretism in linguistics and essence of transformations within the parts of speech, as well as to define the adjectives and nouns and identify their differential morphological and syntactic characteristics that differentiate them. Based on these characteristics, we have compiled a range of transition between adjectives and nouns, based on which we have illustrated syncretic phenomena.